

«Какая светлая стезя...»

**Жизнь и творчество
Нелли Миллиор**

Составитель

Д. И. Черашняя

Ижевск

2017

УДК Миллиор
ББК 83.3(2)д +63.1(2)-8
К16

*На вклейке – Е. А. Миллиор.
Фото Ю. В. Померанцева, 1964 г.*

К16 «Какая светлая стезя...». Жизнь и творчество Нелли Миллиор / составитель Д. И. Черашняя. – Ижевск, 2017. – 533 с. : ил.

В книге впервые наиболее полно публикуются материалы о жизни и творчестве Елены Александровны (Нелли) Миллиор (1900–1978), ученицы Вяч. Иванова в АзГУ и СПб, ученого-античника, преподавателя истории, греческого и латинского языков в ЛГУ и УдГПИ: ее полная биография, дневники, переписка с выдающимися учеными, писателями, поэтами, деятелями культуры; ее научные статьи, эссе, стихи; «Размышления о романе М. Булгакова “Мастер и Маргарита”»; впервые — ее роман «Мечом и словом. Воспоминания Диона, сына Гиппоника, фиванца» — из жизни Древней Греции; воспоминания друзей, коллег, учеников. Редкий иллюстративный материал включает в себя фото и рукописи из архива Елены Александровны.

ISBN

УДК Миллиор
ББК 83.3(2)д +63.1(2)-8

© Д. И. Черашняя, составление, 2017
© И. Г. Абугова, оригинал-макет, 2017

*Какая светлая стезя
Открыта мысли, сердцу Нелли.
Иди же, Нелли, не скользя
Сквозь гор, и льдины, и метели
На Дионисовы свирели.
Кому они однажды пели,
Тому нейти на зов нельзя.*

Май 1924
Баку

Вяч. Иванов

Ровесница века

Никогда из груди моей не изгладится дар,
Который сделал мне тот, о ком я говорю.

Данте. Пир (1. VIII. 13)

Она излучала энергию и свет. Как написала ей Лидия Вячеславовна Иванова, «отдыхай не в Прибалтике, а у Черного моря — ты существо солнечное» (24.V.76). Она умела восхищаться самым простым, изначальным, но любую беседу всегда превращала в пиршество духа, называя такой *пир* по-гречески — *симпозион*.

Не проходит ощущение радости, которой дарила Елена Александровна Миллиор на протяжении 20 лет нашей дружбы. Ее комната в доме преподавателей Удмуртского пединститута была совершенно *другим миром* — в нем острее ощущалась недостаточность (духовная обкраденность) той жизни, что протекала за окнами и стенами врастающего в землю старого деревянного дома «без удобств», из которого другие преподаватели давно выехали. В глубине полутемного коридора (с дверями по обе стороны и с керосинками на столах у каждой двери) она жила в комнате с прихожей, исполнявшей роль кухни.

А в комнате... был другой мир... Собрание книг и альбомов из Серебряного века. Радиола, пластинки, предметы старины...

Конечно, главным притяжением в этой комнате была она сама. Она была моложе всех нас, тогда совсем *зеленых*, и отличалась от нас тем, что никогда не уставала жить, не утрачивала вкуса к жизни и до последних дней не исчерпала неподдельного эмоционального и профессионального интереса к самому

ходу истории. Как-то сказала, что не хочет умирать, потому что НЕВЕРОЯТНО ИНТЕРЕСНО узнать, *что будет дальше и сколько ЭТО может продолжаться*. Возраста своего в духовном и эмоциональном плане не ощущала: «Нелли Мильёр — 75? Чушь какая-то!» — и все шипящие в этом «чушь» шумели и возмущались вместе с ней.

Елена Александровна неотделима от своей библиотеки, удивительной, уникальной, в которой почти каждая книга и каждый автограф были продолжением и знаком личного общения, личных и научных контактов Нелли Миллиор с теми, кто эти книги написал. Библиотека была ее духовной биографией. И — словно остановленным временем: книги соприкасались на полках, как сама история и — периоды ее личной жизни.

К ним можно было подходить и листать. Но некоторые книги, самые дорогие для нее (в первую очередь — ее Учителя, Вячеслава Иванова), были тщательно обернуты вощенной бумагой, обвязаны тесьмой и спрятаны в тумбочку. Процесс их извлечения, развязывания, развертывания был ритуалом, увертюрой к пиршеству.

Приобретение книги было для нее событием: на титульном листе в верхнем левом углу она обычно ставила свою фамилию, время и место приобретения.

Книги «на дом» чаще всего предлагала сама, без просьб, и, провожая к дверям, таинственно, изнутри, улыбалась, предвкушая за вас радость первого прочтения.

Дарение книги молодым друзьям было событием или заранее готовящимся праздником. А иногда — просто говорила: «Возьмите. Вам нужнее. Что она будет лежать? Книга должна быть в работе». Не имело значения, редкая ли книга, ценная ли, — расставалась она легко и радовалась, что теперь *книга будет в работе*.

Так появились у меня Б. Томашевский («Теория литературы», 1928), А. Н. Веселовский («Избранные статьи», 1939), М. О. Гершензон («История молодой России», 1923) и — антикварное издание «Писем русского офицера» Федора Глинки (1816), которое позднее, в 1982 г., будучи в Тарту, я с такой же легкостью и радостью подарила в память о Елене Александровне знавшему ее Ю. М. Лотману. Вручила, не развернув обертки. Он поблагодарил и убежал (видно, привычная для него форма передвижения). Через несколько минут так же быстро появился и сказал: «Я взволнован. Честное слово». И снова исчез.

Большую часть архива Е. А. Миллиор составляют ценнейшие письма, наиболее значимые из которых мы передали после ее ухода в архив Пушкинского Дома. Им была присвоена пер-

вая категория значимости. Среди них — письма Вяч. Иванова, А. И. Доватура, Я. М. Боровского, С. Я. Лурье и многих других крупных ученых.

Завет Вяч. Иванова из его письма Елене Александровне в Баку от 8 марта 1925 г. мы (ее окружение) помнили наизусть: «Держите высоко светоч гуманизма. Это нужно веку. Я не гуманист по миросозерцанию, но всегда буду свидетельствовать...». Дальше следовал греческий текст. Перевода я тогда не знала, и слово *свидетельствовать* воспринималось мной как самодостаточное и обязывающее. Позднее, когда письмо Вяч. Иванова готовилось для первой публикации («Уральский библиофил». Челябинск, 1989), Сергей Сергеевич Аверинцев перевел для нас эту строку из Феогида: «...но всегда буду свидетельствовать: *что прекрасно, то и мило, а что не прекрасно — не мило*».

Все события века так или иначе отпечатались в судьбе Елены Александровны и судьбах ее друзей бакинской юности («Чаша» Вяч. Иванова), ленинградской среды античников и тех, с кем война свела ее путями эвакуации в маленьком городе Сарепуле (предсмертная записка Б. И. Ярхо и письмо И. М. Тронского 1942 г. о пребывании ЛГУ в Саратове; строки стихов и воспоминаний ее друзей в поздних письмах).

В ижевском архиве Е. А. Миллиор много блокнотов и записных книжек. Наряду с разнообразной информацией научного и житейского характера, они фиксируют моменты ее тоски и отчаяния, равно как и следы трезвого самонаблюдения и взыскающего самоанализа.

Елена Александровна Миллиор осуществила себя как личность не благодаря, а вопреки обстоятельствам жизни и времени. Вынужденный уход на пенсию, при всей его горечи, развязал ей руки, освободил ее во всех смыслах, в первую очередь — в дерзаниях творческих. Одновременно, параллельно она создавала свои «Размышления» о романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (в полном объеме впервые опубликованы в Вестнике УдГУ, 1995) и писала *свой* роман «Дион» из античной жизни (ее любимое детище), рукопись которого в составе архива была отправлена нами в Ленинград.

В Вестнике УдГУ, посвященном столетию Елены Миллиор (2000), мы напечатали единственный, случайно оставшийся в Ижевске фрагмент из «Диона», не зная, включен ли он ею в окончательный текст, и если да, то в каком виде. Мы высказали тогда надежду, что этот фрагмент, и сам по себе заслуживающий внимания читателей, возможно, станет для кого-нибудь стимулирующим толчком для того, чтобы дать ход рукописи романа, лежащей пока втуне.

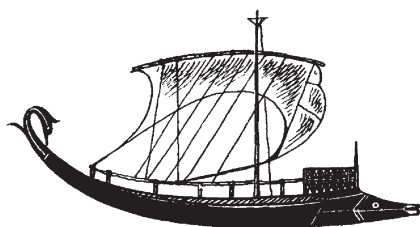
Могла ли я даже помыслить, что наш Вестник попадет в руки ижевской школьницы Лии Ермаковой (кстати, потом выяснится, что ее дедушка, профессор удмуртской филологии Фома Кузьмич Ермаков, в бытность свою студентом Удмуртского пединститута слушал лекции Елены Александровны и сдавал ей экзамены по античной истории и литературе) и будет ею не только внимательно прочитан, но и впитан всею душой! И она поставит перед собой цель осуществить нашу надежду. Выпускница классического отделения филфака СПбГУ, окончившая аспирантуру ИРЛИ, Лия Ермакова во многом содействовала тому, чтобы роман Е. А. Миллиор в ксерокопии (заказанной для нас в архиве проф. А. А. Кобринским) вернулся в Ижевск и впервые был опубликован в этой книге.

Своим живым, творческим интересом к событиям, происходившим в IV в. до н. э. в Фивах и так похожим на наши, неизбывным интересом ко всему совершавшемуся *при ней* и *с ней* в XX веке, и к тому, что еще ожидает нас (о чем говорит публикуемое в книге ее послание в «будущее», не утратившее актуальности), Елена Александровна Миллиор жила в Большом времени истории и остается прочным звеном памяти. Вот почему заката не было. Была внезапная остановка движения. Не кануло в небытие то напряжение духа, которое она несла в себе. И не кончается *симпозион*.

Д. И. Черашняя

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Ставлю парус крылатый...»

История одной жизни

Е. А. МИЛЛИОР О СВОЕМ ОТЦЕ (ИЗ ПИСЬМА К Л. В. ИВАНОВОЙ¹)

25.XI.75

Майори

Лидиечка, мое прошлое «автобиографическое» письмо — явление для меня уникальное. Я вовсе не замкнута, но самые близкие знают мою жизнь только кусками, полосами и поверхностно. Никто не знает моего отца († <19>15 г.), а он в наибольшей степени определил меня как личность. Вот эпизод, который я не могу определить хронологически. Мимо нас (папы и меня) проходила похоронная процессия, папа снял шляпу. Я считала его Religionsfrei² (так, наверное, и было) и спросила, почему он снял шляпу. С необыкновенной проникновенностью он ответил: «Последнее прости уходящему брату». Это было как откровение.

Мне трудно описать его. Он был Nationsfrei³, европеец, а не такой-то, владел свободно нем<ецким>, фр<анцузским>, вероятно, знал англ<ийский>, исп<анский> (3 года работал в Аргентине). Он познакомил меня с «Войной и миром» раньше, чем я могла прочесть сама. Подозвал и прочитал «В гостях у дядюшки <...>». В детстве я читала Шиллера на немецк<ом>, книги (собр. соч.) были куплены в Ваймаре. С мамой и папой я посетила Вартбург⁴. Предварительно папа рассказывал мне,

¹ Письмо прислано в Ижевск Андреем Борисовичем Шишкиным, директором Римского архива Вячеслава Иванова (здесь и далее — в неуказанных случаях — примечания составителя).

² Внерелигиозный.

³ Вненациональный.

⁴ С этим городом связано начало Реформации (XVI в.): выступление М. Лютера с 95 тезисами против католической церкви, что вызвало

но В.<артбург> я знала, что-то читала. Мне было лет 13. В моей жизни не было чело- века, столь мне близ- кого. Он остался для меня эталоном. Через него я многое пони- маю в европ<ейской> культуре XIX в. Вся эта сторона (или суть) моей духов<ной> жиз- ни чужда самым близ- ким (кроме частично Васи¹). Вите² — мой ев- ропеизм совсем чужд. Он — евр<опеизм> — не от знания (я не очень образованна и начита- на), а от непосредствен- ного соприкосновения.

Когда перечитываю Фауста (1 ч.), то не могу понять, почему от- дельные стихи для меня — как из «Горя от ума», знакомы.

Я через папу понимаю, почему 14-ый год был трагедией для интеллигентов его типа. Причем интеллектуально он выше Т. Манна тех лет и, вероятно, Р. Роллана (которого я не лю- блю и считаю неумным). Войну 14 г. я пережила совершенно сознательно, у меня сохранились дневники. Но дело не только в интеллект<уальной> области, а в жизненной позиции. Мне не нравится, даже «шокирует» в Вите его неумение и нежелание сохранять дистанцию между собой и людьми. Папа был в выс- шей степени прост и «демократичен», естественно, органично, но невозможно себе представить, чтобы кто-н<ибудь> позволил себе бесцеремонность в отношении с ним (как и с В.И.³). Добро- та вполне совместима с самоограждением.

25.11.75
Майорт
Лическа,
мое прошлое «авто-
биографическое» писмо-
явление для меня уни-
кальное. Я вообще не зани-
малась, но сейчас близ-
кие знают мою антикв-
итацию кусками, полвека-
ми и поверхностно. Никто
не знает моего отца/мат-
ри он в наибольшей сте-
пени определил меня как
личность. Вот этнограф, ко-
торый я не могу опре-
делить хронологически.
Мимо нас (папы и меня)
проходила похоронная
процессия, папа снял
шапку. Я считала его
Revidensz (так, ка-

в Европе антифеодальное общественное движение. 18 октября 1817 г. в Вартбургском замке (где скрывался от преследований Лютер) в честь 300-летия Реформации, а также в юбилей Лейпцигского сражения 1813 г. («битвы народов») — проходило собрание представителей немецких университетов, которое поддержало идею национального единства Гер- мании.

¹ Василий Алексеевич Рудич.

² Виктор Андроникович Мануйлов.

³ Вячеслав Иванович Иванов.

наверное. и было) и
спросила, почему он стал
щелать. С необыкновенной
проницательностью он
ответил: „Последнее
простит уходящему бра-
ту“. Это было как от-
кровение. Мне трудно
описать его. Он был из
национал. еврей, а
не такой-то. Владел свобод-
но нем., фр., вероятно знал
англ., исп. (3 года работал
в Аргентине). Он познако-
мил меня с Вольной и ми-
раншир, чем я могла тра-
тить сама. Позволил и
прочитать „В гостях у дядю-
шки“. В детстве я читала
Шинелера на немецк.
книжки (содерж.). Были кут-
лени в Ваймаре. С

После 15-го года на-
чался мой путь — очень
сложный и противоре-
чивый. Друзья называ-
ют меня эгоцентрист-
кой. К моему удивле-
нию, я нашла этот тер-
мин в отношении себя и
друзей в дневнике чуть
ли не 18-го г. («склон-
ность к эгоцентриз-
му»). Откуда я взяла
этот термин? И в то же
время острый интерес
к ходу событий и всегда
попытки осмыслить их.
Даже в дневнике 14-го.

Так вот, я думаю,
если я успею и сумею
отработать свои днев-
ники, т. е. извлечь наи-

более интересное, и в разрезе интеллектуальном и эмоциональ-
ном, то это был бы документ более ценный, чем любой роман о
себе. Полагаю, что Нелли — явление давно типичное, со всеми
характерными ошибками и отклонениями. Снабдить текст неко-
торыми комментариями и дополнениями.

Витя встречался со многими значительными людьми, он пи-
шет интересные воспоминания, но собственную личность он
всегда уводит в тень. Скуп, воздержан на оценки и самооценку.
Я, напротив, всегда прежде всего «я», с интересом к собствен-
ной личности, с постоянным самоанализом, с постоянной двой-
ственностью. Я не собираюсь преувеличивать масштабы своей
личности, но при ее типичности и ограниченности может пред-
ставлять интерес. Тут много проблем: о композиции жизни,
о возвращении, об отношении к событиям, к людям.

Сейчас я целиком занята Дионом. Здесь переписала (заново)
4 главы. Условия для работы замечательные, никаких житейских
забот. Но трудно выключиться полностью. Самосозерцание —
напиток с горьким осадком, будущее ближайшее не сулит хо-
рошего. <...>

«Музыку люблю страстно...»

ПЕРЕПИСКА М. Б. МИЛЛИОР (матери Е. А. Миллиор)
И Д. Б. КАБАЛЕВСКОГО

Подготовка к публикации и комментарии
Ю. А. Толкача

В пору моей юности, в незабвенные 60-е годы, когда я был студентом Ижевского музыкального училища, судьба подарила мне счастье общения с Еленой Александровной Миллиор. К радости наиболее интересующихся историей культуры студентов она согласилась прочитать цикл лекций по античной литературе и античному искусству. Это сблизило ее с нашим учебным заведением, она стала бывать на студенческих концертах, которые иногда завершались незабываемыми прогулками по вечернему Ижевску, во время которых мы тоже узнавали немало интересного. Меня поражала не только огромная любовь Елены Александровны к музыке, но и ее глубокая компетентность в этой области. Никогда не забуду, как в антракте одного из многочисленных в то время камерных концертов в малом зале ДК «Ижмаш» (а в 60-е годы в Ижевске не проходило месяца без выступлений известных московских и ленинградских музыкантов) Елена Александровна блестяще и убедительно развеяла наши наивные восторги по поводу исполнения шумановского «Карнавала» одним весьма именитым пианистом именно с точки зрения его несоответствия глубинным моментам музыкально-романтической эстетики... Такая основательность в музыкальных вопросах не могла быть объяснена только типичным для старой интеллигенции высоким уровнем «общей культуры». И вот, несколько позднее, общаясь с Еленой Александровной в домашней обстановке, я узнал, что ее мама — Мария Борисовна была пианисткой, окончила Венскую консерваторию, что первые яркие музыкальные впечатления Елены Александровны связаны с детскими годами, когда в их доме устраивались камерные собрания. Тут были названы самые «заветные» произведения: ре-минорное трио Ф. Мендельсона и знаменитое «Трио памяти великого художника» (Н. Рубинштейна) П. И. Чайковского, то самое, что, по воспоминаниям Б. Пастернака, в раннем детстве дало толчок его развитию как художника.

Прошло много лет. В год 100-летия Елены Александровны Миллиор я смог ознакомиться с перепиской Марии Борисовны Миллиор и известного композитора Дмитрия Борисовича Кабалецкого.

При подготовке ее к публикации главные трудности были связаны с письмами Марии Борисовны. Два из них оказались тщательно переписанными рукой Елены Александровны, остальные сохранились в оригинале. Мария Борисовна писала их, будучи почти слепой, часто в тяжелом физическом состоянии. Почерк неразборчив, многие слова сокращены, есть фразы и отдельные слова, трудно поддающиеся расшифровке. По возможности я попытался разобраться в этом, только в редких случаях прибегая к многоточиям в неразборчивых местах или отмечая знаком вопроса возможные прочтения слов. Расшифровка сокращений дается в скобках. Письма приводятся почти без купюр, кроме одного, данного как фрагмент по причине большей неразборчивости. В некоторых случаях я оставил своеобразие написания отдельных слов. За редким исключением, письма Марии Борисовны оказались недатированными. Время написания пришлось устанавливать примерно, сличая их с ответами Кабалецкого, анализируя факты, о которых идет речь в переписке, а также учитывая почтовые штампы на сохранившихся конвертах.

Подготовка к публикации писем Д. Б. Кабалецкого особых сложностей не представляла. Завершает публикацию письмо Д. Б. Кабалецкого к Е. А. Миллиор, написанное вскоре после смерти Марии Борисовны, которое в контексте данного материала является своеобразным эпилогом.

Несколько слов в дополнение. Кабалецкий был одним из тех композиторов и общественных

деятелей, которые официально считались «лицом» советской музыки. Внешне жизненный и творческий путь Кабалеvского отличается благополучием, он старался быть максимально лояльным по отношению к властям, создал немало вполне официозных произведений. Прославленный при жизни, Кабалеvский скончался на пороге нового этапа истории России и на рубеже 80–90-х годов в ряде публикаций его творчество и общественная деятельность подверглись весьма суровой переоценке. Трезвый и научно аргументированный анализ его личности и творчества еще по-настоящему не осуществлен, а музыка его в последние годы звучит всё реже. Рассуждая с максимальной степенью объективности, следует сказать, что, не обладая такой яркой индивидуальностью, новаторскими устремлениями и глубиной мышления, как его великие современники С. Прокофьев и Д. Шостакович, Кабалеvский был, несомненно, талантливым композитором со своим лицом, узнаваемым почерком, обаятельным мелодическим даром и высокой степенью профессионализма, следующим в своем творчестве лучшим традициям отечественной музыкальной культуры. Это, видимо, и привлекло симпатии Марии Борисовны Миллиор к его музыке, которой она дала вполне точную характеристику в первом письме. Несомненно, со временем крайности оценок сгладятся и лучшее из наследия Кабалеvского найдет свое место на концертной эстраде и в педагогической практике. Следует также отметить, что и Кабалеvского не миновали сложности первых послевоенных лет, связанные с наступлением властей на творческую интеллигенцию, о чем, в частности, свидетельствует публикуемая переписка. Нам остается только догадываться о моральном состоянии композитора и предполагать, сколько раз в течение своей творческой жизни ему приходилось идти на жестокие компромиссы и не давать волю свободному художественному высказыванию. Увы, он был не из тех, кто шли «против течения», но вряд ли в этом его вина... Скорее, тщательно скрываемая драма.

Ю. А. Толкач

1. М. Б. Миллиор — Д. Б. Кабалевскому¹

18 февраля 1946 г.

Уважаемый, дорогой Дмитрий Борисович!

Не пугайтесь этого обращения, мне 68 лет. Я окончила Венскую консерваторию в конце прошлого столетия. Я воспитывалась на Бетховене и Шумане, а Мендельсона мы, глупые девчонки, называли «Zuckerwasser»². Я всю жизнь работала как педагог и аккомпаниатор. Люблю музыку страстно. Теперь я потеряла зрение, по эвакуации попала в Ижевск и живу только радио. Из всех современных композиторов я люблю больше всего Кабалевского. Ваша музыка, Дмитрий Борисович, всегда красива и благородна, логична и гармонична. Я все думала, отчего Вы не напишете квартет, и вдруг из ваших же слов узнаю, квартет³ не только написан, но и сыгран квартетом им. Бетховена. Почему его не транслируют, нельзя ли его услышать по радио? А потом я слушала ваши фортепианные сочинения, играл Георгий Эдельман, очень хорошо. Над «Песней» я плакала. Мне было бы просто необходимо прослушать это еще раз. Нельзя ли это устроить? В Ижевске нет никакой музыкальной жизни⁴. Теперь я жду от Вас фортепианное трио⁵. Я надеюсь, что Вы найдете время ответить мне. Я бы хотела побольше узнать о вас и, если возможно, получить от вас карточку, только не очень мелкую. Это доставит мне большую радость, одну из немногих радостей, оставшихся мне в жизни.

Мария Борисовна Миллиор

Ижевск, Пушкина, 192, кв. 15.

М. Б. Миллиор.

¹ Это первое письмо, с которого началось заочное знакомство М. Б. Миллиор и Д. Б. Кабалевского. Судя по письму № 3 (см. ниже) побудительным толчком послужили выступления Д. Б. Кабалевского по радио.

² «Сахарная вода» (нем.).

³ Имеется в виду 2-й струнный квартет Кабалевского, написанный в 1945 г. и удостоенный Сталинской премии в 1946 г. Скорее всего, о нем Мария Борисовна узнала из радиоинтервью Кабалевского.

⁴ Тема скудости музыкальной жизни Ижевска проходит через все письма М. Б. Миллиор. В конце 40-х — нач. 50-х гг. филармоническая жизнь в городе только начинала налаживаться и значительно оживится с конца 50-х.

⁵ Пожелание наверняка связано с пристрастием к этому жанру камерной музыки и с воспоминаниями о домашних музыкальных вечерах. В творчестве Кабалевского жанр фортепианного трио отсутствует.

2. Д. Б. Кабалевский — М. Б. Миллиор
Москва, 18 октября 1946 г.

Уважаемая Мария Борисовна, простите меня, что отвечаю вам с таким ужасным запозданием. Мне очень совестно за это, и я не буду даже объяснять Вам, почему так вышло, не буду оправдываться.

Благодарю Вас за ваше теплое письмо, за хорошее отношение к моей музыке. С прошлой осени, когда я написал 2-ю фортепианную сонату¹ и 2-й квартет, к сожалению, пришлось работать очень мало: написал еще одну (3-ю) фортепианную сонату². В ноябре обе сонаты будут впервые исполняться в Москве. Вторую будет играть Э. Гилельс, третью — Я. Зак. Не довелось ли Вам послушать по радио, как Флиер³ играл мои 24 ф-п прелюдии⁴. По-моему, он играл их превосходно. Очень хорошо играли (квартет им. ГАБТа) мой квартет. Сейчас я заканчиваю работу над либретто новой оперы⁵ по повести Б. Горбатова «Непокоренные». Первого ноября хочу уехать из Москвы под Иваново, где есть так называемый Дом творчества и отдыха композиторов. В Москве работать совершенно невозможно: непрерывно отрывают от работы всякие дела (ведь я отв. редактор журнала «Сов. музыка», профессор консерватории, занят по Союзу композиторов и т. д. и т. д.). В Иваново же очень тихо, спокойно и отлично можно работать. Сейчас я хочу просидеть там до апреля, наезжая в Москву раз в месяц, — и закончить за это время оперу в клавире. После этой работы возьмусь за своего «Кола Брюньона»⁶. Хочу сделать новую редакцию, усовершенствовав эту оперу для новой постановки в Москве.

¹ Вторая соната для фортепиано создана в 1945 г. Это сочинение станет «главным музыкальным героем» переписки.

² Третья фортепианная соната создана в 1946 г. Самое известное произведение Кабалевского в данном жанре.

³ Гилельс Эмиль Григорьевич (1916–1985), Зак Яков Израилевич (1913–1976), Флиер Яков Владимирович (1912–1977) — выдающиеся пианисты.

⁴ 24 прелюдии для фортепиано созданы в 1943–1944 гг. В основе каждой из прелюдий — подлинная русская народная песня. Цикл прелюдий — его лучшее и наиболее популярное фортепианное сочинение, получившее широкое распространение в концертной и, особенно, педагогической практике.

⁵ Подготовка к написанию оперы «Семья Тараса» (либретто С. Ценина), сюжет которой связан с событиями Отечественной войны. Подробнее см. в коммент. к письму № 12.

⁶ «Кола Брюньон» — (первоначальное название «Мастер из Кламси») — опера Кабалевского на сюжет повести Р. Роллана (либретто В. Брагина), 1938. Верность в передаче национального колорита была отмечена автором повести. Новую редакцию композитор осуществил только в 1968-м (Ленинская премия, 1972).

Вот, Мария Борисовна, — кратенько о себе, своей работе и планах. От всей души желаю Вам всего лучшего.

С искренним приветом Д. Кабалевский.

Еще раз простите за такое запоздание с ответом.

[приписка]

Простите за плохое фото¹: другого у меня, к сожалению, сейчас нету!

3. М. Б. Миллиор — Д. Б. Кабалевскому²

31 декабря [1946]

Спасибо, дорогой Дмитрий Борисович, за ваше письмо и карточку. Мне хочется объяснить Вам, почему я решилась Вам написать. Я слышала несколько раз по радио Ваш исключительно обаятельный голос и вдруг почувствовала, что Вы мне душевно близки, что я могу Вам написать и Вы не оставите мое письмо без ответа, и я рада, что не ошиблась. Ваши чудесные прелюдии я слышала. Слышала к моей радости и сонату в исполнении Гилельса. Вы понимаете, конечно, что такую вещь прослушать один раз слишком мало, но первое впечатление сильное. Я не знаю, чем восхищаться больше, широтой и глубиной первой части или задушевной красотой второй. Вот квартет Ваш мне так и не удалось послушать. Спасибо Вам большое, Дмитрий Борисович, за Ваше прекрасное искусство. Привлекает в Вас именно то, что Вы идете своим путем. Желаю Вам в Иванове хорошо отдохнуть и всласть поработать!

Мария Борисовна Миллиор

С Новым Годом, желаю от всей души сил, здоровья и вдохновения.

[приписка]

Шлю привет и лучшие пожелания и от меня!

Дочь Марии Борисовны Е. Миллиор

¹ Фотография, посланная Д. Кабалевским, сохранилась в архиве Е. А. Миллиор.

² В этом письме впервые упоминается о том большом впечатлении, которое произвела 2-я фортепианная соната Д. Кабалевского на М. Б. Миллиор. Драматические перипетии, связанные с этим произведением, станут сквозной темой нескольких последующих писем.

Доковой 48-й и страсти по Второй сонате

4. М. Б. Миллиор — Д. Б. Кабалеvскому¹

[не позднее апреля 1948]

...Вы, конечно, не помните, но я уже 2 года н<азад> написала В<ам>, что из современ<ных> композит<оров> люблю б<ольше> в<сего> В<ас>... В<аша> музыка всегда благородна и красива, логична и гармонична и что я рада, что вы идете своим путем. В формализме В<ас> уж никак нельзя обвинить. Почему же уже давно не слышу я В<ашей> музыки по радио? ... Как можно достать запись любимых моих вещей? Прежде всего 1) 2-я соната, затем любимая вещь моей дочери 2) Импровизация², которая у нее почему-то (?) всегда ассоциируется с Достоевским 3) хотела

¹ Письмо написано крайне неразборчиво, но явны неподдельное волнение и тревога. Приблизительную дату написания можно установить по многозначительной фразе: «В формализме В<ас> уж никак нельзя обвинить». 10 февраля 1948 г. вышло печально знаменитое постановление ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели», в продолжение не менее одиозного постановления 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”».

Весьма слабая опера Мурадели была поводом для огульного обвинения лучших советских композиторов, к тому времени получивших мировое признание: С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Н. Мясковского, А. Хачатуряна... Все они и многие другие были причислены к «антинародному формалистическому направлению», ведущему, как было написано в постановлении, «к ликвидации музыки» (!).

Д. Б. Кабалеvский по причинам, изложенным выше, в первых рядах формалистов не числился, но очень скоро был раскритикован за некоторые произведения, в которых, по мнению присяжных критиков, «испытал формалистические влияния». Сей ярлык обозначал нечто близкое к клейму «враг народа». Немедленно появились «черные списки» «неудобных» произведений. Из-за вполне понятной перестраховки «на всякий случай» стали меньше транслировать по радио и достаточно традиционного Кабалеvского, что сразу же с тревогой отметила Мария Борисовна. Продолжение этой «интриги» — в следующих письмах.

² Пьеса для скрипки и фортепиано (1934) на основе фрагмента из музыки к кинофильму «Петербургская ночь» (режиссер Г. Рошаль, 1934) по мотивам (сильно модернизированным и упрощенным) ранних повестей Ф. М. Достоевского. Удивительна интуиция Е. А. Миллиор, услышавшей в этой действительно очень выразительной и экспрессивной пьесе нечто близкое полузапрещенному тогда Достоевскому (см. следующее письмо).

бы увертюру В<ашу> «Кола Брюньон»¹, сюиту «Комедианты»²,
4) квартет³, одним словом, почти все, что есть в записи <...>

Ваша преданная Мария Борисовна.

5. Д. Б. Кабалевский — М. Б. Миллиор

6 мая 1948 Москва

Многоуважаемая Мария Борисовна!

Простите, пожалуйста, что так долго не отвечал на Ваше письмо. Время у нас было очень сложное и трудное. Подготовка к Съезду композиторов, потом Съезд⁴ — все это отняло очень много и физических и нервных сил. Сейчас стало хоть немного легче, вот и хочется хоть кратенько ответить Вам. Мне очень хотелось бы исполнить Вашу просьбу и прислать Вам хоть какие-нибудь пластинки с записью своих сочинений. К сожалению, я при всем желании не могу этого сделать и по очень простой причине: то, что в свое время было записано (Увертюра и др. отрывки из «Кола Брюньон», «Комедианты» и «Импровизация»), давно уже распроданы и достать их никак невозможно — даже у меня осталось по одному уже сильно потрепанному экземпляру. Вторая соната на пластинку не была записана, а квартет хоть и был сравнительно недавно записан, но тираж не был отпечатан, и я не уверен, что теперь это будет сделано⁵. Во всяком случае, если его (вдруг!) отпечатают — я для Вас достану экземпляр и обязательно пришлю его Вам, раз это может доставить Вам

¹ Блестящее оркестровое вступление к уже упомянутой опере. Эффектная увертюра пьесы вошла в репертуар лучших оркестров мира. В частности, ее включил в свой репертуар итальянский дирижер А. Тосканини (существует запись).

² Создана в 1946 г. на основе музыки к спектаклю Центрального детского театра «Изобретатель и комедиант» по пьесе М. Даниэля (1938), образец легкой симфонической музыки.

³ Уже упомянутый 2-й струнный квартет.

⁴ Первый всесоюзный съезд композиторов проходил с 19 по 25 апреля 1948 г. и по сути вылился в судилище по следам постановления, о чем свидетельствует изданный в свое время стенографический отчет. На съезде прозвучала критика в адрес некоторых сочинений Кабалевского. Нужно сказать, что сам он в этот период занимал весьма непоследовательную позицию, что можно, с одной стороны, понять, имея в виду тогдашнюю обстановку, но что впоследствии, «из дали лет», позволило историкам перестроечного периода конца 80-х гг. осудить его за это.

⁵ Задержка тиража 2-го квартета, еще недавно удостоенного Сталинской премии, связана с подозрительным отношением тогдашних властей к бестекстовой музыке и «элитарным» камерным жанрам.

удовольствие. Независимо от этого — хочу сказать Вам, что временное изъятие из радиовещания сочинений некоторых композиторов¹, в том числе и моих — сделано не навсегда и уже сейчас кое-что восстанавливается в программах. И из моих сочинений кое-что (напр. 2-й ф-п концерт, прелюдии) уже недавно передавались. Вы пишете, что «Импровизация» вызывает у вашей дочери ассоциации с Достоевским. А ведь эта «импровизация» взята из музыки к фильму «Петербургская ночь» — сделанному по мотивам Достоевского. Как видите — это совершенно закономерная ассоциация! То письмо, о котором Вы пишете (по поводу 2-й сонаты), я, к сожалению, почему-то не получал². Если б получил, то, конечно, ответил бы.

Желаю Вам всего наилучшего.

С искренним приветом Д. Кабалевский.

6. М. Б. Миллиор — Д. Б. Кабалевскому
[не позднее декабря 1948 г.]

Дорогой Дмитрий Борисович! Если б вы только знали, как я сегодня огорчена и сколько уже плакала! Еще в сентябре я написала на радио с просьбой дать мне еще хоть раз услышать 2-ю сонату Кабалевского. Должна признаться, что я еще написала, что если эта соната еще не наиграна на пластинку, то надо это сделать, пока Гилельс существует, и присоединить к Вашей <радио> музыкальной сокровищнице. И вот сегодня вдруг получаю <ответ>, который поразил меня³. Они сообщают мне, что

¹ После нескольких месяцев «запретительной вакханалии», действительно, ряд произведений советских композиторов вновь зазвучали по радио и в концертах. Но еще долгие годы не исполнялся ряд шедевров Д. Шостаковича. Об «изъятии из радиовещания» — подробнее в следующих письмах.

² Ниже приводится письмо М. Б. Миллиор, связанное со 2-й фортепианной сонатой, которое по неизвестным причинам не дошло до адресата.

³ Ответ на запрос М. Б. Миллиор в Управление музыкального радиовещания Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров Союза СССР сохранился:

Москва, п/я 3734, 16 декабря 1948 г.

Уважаемая товарищ Миллиор!

Вторая соната для фортепиано Д. Б. Кабалевского на грампластинки не записана. Существующая у нас запись этой сонаты в исполнении Э. Гилельса на пленке магнитофона (которую Вы слушали) была недавно прослушана репертуарной комиссией и снята с вещания. Таким образом, удовлетворить

репертуарная комиссия прослушав ее на какой-то там пластинке, сняла эту сонату с репертуара. Мы с дочерью <живя> в ... антимузыкальной дыре, где никто ничего не знает и ничем не интересуется, просто потрясены, а я — до слез. Почему ее сняли, ну почему, почему, почему же? Непонятно, я <так> и слышу аккорды 1-й части, задушевную красоту 2-й и эту нарастающую бурю последней 3-й ... разразилась слезами и написала В<ам> сумасшедшее письмо. В чем же дело, в чем, в чем? Хоть бы вы мне объяснили. Я могу это только объяснить тем, что она слишком хороша. Простите за сумбурное письмо, ведь перечитать не могу, не вижу.

Ваша М. Б. Миллиор. Самый сердечный привет от дочери.

7. Д. Б. Кабалевский — М. Б. Миллиор

14 января 1949 Москва

Уважаемая Мария Борисовна!

Получил я Ваше письмо. Оно меня очень искренне растрогало. Что я Вам могу ответить относительно 2-й сонаты? Действительно, я получил подтверждение, что соната эта «временно изъята из программ Радио». Это не значит, конечно, что на нее наложен запрет «всюду» и «навсегда». Если Вы спросите меня — то я, разумеется, не нахожу такое «изъятие» (пусть даже временное) сонаты достаточно обоснованным, т. к. даже при том, что я вообще строго отношусь к себе, я не склонен считать эту сонату сочинением формалистическим. Но мнение автора не принято считать мнением объективным. Вероятно, это разумно. Во всяком случае я не слишком огорчен этим обстоятельством, т. к. соната эта издана, существует на пленке в великолепном исполнении Эмиля Гилельса, — следовательно «пропасть» она никуда не может и если в ней все же какие-нибудь положительные качества есть (в конце концов, действительно не мне сейчас об этом судить), — то она будет исполняться, если же этих качеств нет, то и жалеть не о чем. Слышали ли вы мой новый концерт для

Вашу просьбу, к сожалению, мы не можем.

Главный редактор (подпись) *Нестьев*

Ответ. редактор (подпись) *Солодухо*

Документ, подписанный достаточно известным в будущем музыковедом (Израилем Владимировичем Нестьевым) и не очень известным композитором (Яковом Семеновичем Солодухо), не нуждается в комментариях.

Не менее показателен для своего времени и не менее по-своему драматичен ответ на это «сумбурное письмо».

скрипки с оркестром? Он посл<еднее> время очень часто исполняется (и по радио!). Сейчас заканчиваю концерт для виолончели с орк<естром>. Он будет в феврале исполняться в 1-й раз. Шлю Вам и Вашей дочери сердечный привет и от всей души благодарю за Ваше трогательное письмо.

Д. Кабалевский¹

8. М. Б. Миллиор — Д. Б. Кабалевскому
[18 апреля 1949]

Дорогой Дмитрий Борисович!

От всей души поздравляем Вас я и дочь моя Елена Александровна. Мы сидели у репродуктора и когда наконец назвали В<аше> имя², я вскрикнула от радости, а дочь моя поздрави-

¹ Это письмо могло бы послужить основой психологического анализа состояния художника, зажатого в тиски трагически абсурдных обстоятельств времени.

Возникает ощущение, что письмо написано с оглядкой на некоего «третьего», кто может его прочесть. Этот противоречивый клубок самооправданий и самобичеваний завершается прямо-таки страшной фразой: «...если же этих качеств нет, то и жалеть не о чем».

Однако исцеляет творчество: «Слышали ли вы мой новый концерт для скрипки с оркестром?» — речь идет о написанном в этом тяжелом 1948 г. одном из лучших сочинений Кабалевского — светлом, исключительно гармоничном и изящном концерте для скрипки с оркестром, открывающем цикл концертов, посвященных советской молодежи, в который входит и упоминаемый затем виолончельный концерт. (Триада была завершена концертом для фортепиано с оркестром, созданным в 1952 г.) Кабалевскому всегда было органично обращение к темам детства и юности. Последовательная работа над циклом «молодежных» концертов, несомненно, связана и с поисками положительных эмоций в гнетущей обстановке эпохи.

² Речь идет о присуждении Д. Б. Кабалевскому Сталинской премии за концерт для скрипки с оркестром в 1949 г. После разгромного постановления 1948 г. Сталинские премии получали как конъюнктурщики, так и недавно обвиненные в формалистических ошибках опальные С. Прокофьев и Д. Шостакович (правда, за сочинения, в известной степени рож-

ла — меня. (Вам смешно!) Давно ли <...> мы сидели в темноте и наслаждались 2-й частью скрипичного концерта, которую передавал Муз<ыкальный> альманах и там проявилось то, что я считаю основными чертами вашего чудесного таланта: красота и благородство. Спасибо Вам, Дм. Бор., что Вы доставляете мне столько наслаждения, простите, Дм. Бор., я уже почти ничего не вижу и ужасно боюсь, что Вы не поймете м<ои> письма. Сердечный привет от меня и дочери.

Мария Борисовна. 18-го апреля

9. М. Б. Миллиор — Д. Б. Кабалеvскому
[приблизительно лето 1949]

Боюсь, дорогой Дмитрий Борис<ович>, надоедать и трудно писать мне не видя, но все же очень хочется поблагодарить вас за Ваш чудный концерт для cello¹. На днях слышала его в первый раз. Слушала с напряженным волнением, радостью, забыв обо всем на свете. Музыка эта хороша, так глубока и чарующе прекрасна. Ах, как бы мне хотелось знать, насколько вы довольны сами, удовлетворены ли? Иногда мне кажется (и тогда мне даже обидно), что, например, к «моей» 2-й сонате (Кабалевского) Вы относитесь не так горячо, как я. Услышу ли я ее еще хоть раз? Какое несчастье жить в Ижевске, куда не приезжает ни один артист, где не бывает концертов! Что касается В<ашего> cello концерта, то я бы его играла каждый день, без конца.

Может быть, удалось через эту музыку поднять и развить музыкальный вкус широкой публики.

денные вынужденным компромиссом, как оратория «Песня о лесах» Шостаковича).

¹ Уже упомянутый выше концерт для виолончели с оркестром Кабалевского из его «молодежной» триады, выделяющийся лирической самоуглубленностью и преобладанием элегических настроений.

Д.Б., получили ли Вы наше с дочерью сердечное поздравление с получением Сталинской премии? Может быть, и не было обязательным отвечать на него, но мне доставляет такую большую радость получать от Вас весточку. Дочь моя сейчас находится в совершенно неизвестной санатории где-то на финской границе, я одна, лежу с ожогом 3-й степени на ноге. Простите, простите меня, я увлеклась, вы, вероятно, пожимаете плечами, ведь все это совершенно неинтересно, простите.

Еще примите мое великое спасибо за красоту концерта.

Ваша Мария Борисовна

Мне кажется, я была бы счастлива...

10. М. Б. Миллиор — Д. Б. Кабалевскому
[не позднее декабря 1949 г.]

Дорогой Дмитрий Борисович, мне, вероятно, больше не следовало бы Вам писать: Вы не ответили нам на наше поздравление, потом не ответили мне ... на первое мое письмо. И все же я пишу, но оно мне просто необходимо, помогите мне. Вы представляете себе положение человека, как я, заброшенного в такой город, как Ижевск, где никогда не бывает ни одного серьезного концерта... В одном Вашем письме Вы написали мне, что если выйдет ... Ваша грампластинка (в особенности 2-я соната) Вы дадите мне знать. Напоминаю Вам об этом¹. Не допускаю, чтоб вещи дважды лауреата Сталинской Премии не записывались бы. Еще Вы написали мне, что Ваша соната издана ... позвоните туда, чтоб мне ее выслали наложенным платежом. Я знаю, за это время Вы написали много чудесных, прекраснейших вещей концерт cello, произведший на меня такое сильное впечатление <кто исполнял?>. Скрипичный дивный концерт в исполнении Д. Ойстраха² и оркестра под Вашим дирижированием и потом совсем особо 12 прелюдий для рояля таких оригинальных по форме и таких «кабалевских» по содержанию. О, если б я могла иметь все три вещи в пластинках, мне бы больше ничего б не надо было, мне кажется,

¹ Повторные просьбы Марии Борисовны о пластинках с сочинениями Кабалевского в контексте настроений, которыми проникнуто письмо, воспринимаются как символ некоей духовной опоры.

² Ойстрах Давид Федорович (1908–1974), скрипач, педагог, дирижер.

я была бы счастлива. Но ведь все эти вещи не умаляют красот и В<ашей> (моей любимой) 2-й сонаты. Когда я написала Вам в первый раз, мне было 68 лет. За эти 4 года у меня хранятся 3 В<аших> чудесных письма, Ваше фото ... одна фраза из этих писем дала мне решимость написать вам и это письмо. Вот она, эта фраза: письма Вашего не получал, а то, конечно, ответил бы.

Ваша Мария Борисовна

Ижевск ул. Свободы, 167, кв. 6 М. Б. Миллиор

11. Д. Б. Кабалевский — М. Б. Миллиор

25 декабря 1949 Москва

Уважаемая Мария Борисовна!

Простите, что так долго не отвечал Вам. У меня ужасно запутанная жизнь была все это время. Только в начале октября вернулся в Москву из Рузы, где сидел как крот в норе и сочинял оперу. Почти сразу же пришлось уехать на целый месяц в далекую поездку — был в Англии и в Чехословакии. Потом все силы и все время взял наш композиторский пленум, после которого пришлось уехать в Ленинград. Вернулся на днях и продолжаю путаться среди вороха всяческих дел. Вот почему и не собрался до сих пор ответить Вам. А вот уж как вышло, что не ответил на Ваше поздравление — просто не понимаю и очень прошу простить меня за такую оплошность. Вы просите меня прислать Вам пластинки с записью моих сочинений. Дело в том, что за время моих разъездов были выпущены пластинка с 2-м квинтетом (в исполнении Бетховенского квинтета) и с четырьмя прелюдиями (Флиер). Но они уже разошлись и я не смог достать их. Мне, правда, обещали достать один комплект. А кроме того в ближайшее время выйдут пластинки с записью скрипичного концерта (Д. Ойстрах и оркестр под моим управлением). Я постараюсь все это достать и прислать Вам. А вторая соната (напрасно Вы думаете, что я отношусь к ней очень плохо. Я вообще по-настоящему хорошо отношусь только к последнему своему сочинению) издана Музгизом. Я с удовольствием пришлю Вам ее, но не знаю — интересны ли для Вас ноты. Вы спрашиваете, кто исполнял виолончельный концерт? Вы, вероятно, слушали запись: играл Святослав Кнушевицкий¹, а оркестром дирижировал опять «автор». По-моему, Кнушевицкий играл очень хорошо, правда? Желаю Вам, Мария Борисовна, всего самого луч-

¹ Кнушевицкий Святослав Николаевич (1907–1963) — виолончелист, педагог.

шего и, прежде всего, здоровья. с искренним приветом и с благодарностью (правда, сильно запоздавшей) за поздравление.

Д. Кабалевский¹

Обещаю Вам в следующий раз отвечать аккуратнее! Передайте, пожалуйста, мой привет и благодарность Вашей дочери.

12. М. Б. Миллиор — Д. Б. Кабалевскому

2 января 1951 г.

Дорогой Дмитрий Борисович!

Этим летом был здесь один моск<овский> студент, юноша, которого я просила прочитать одно В<аше> письмо и когда он дошел до места, где вы говорите, что пишете оперу, он вдруг прервал чтение и как то вдохновенно сказал: «Наконец-то у нас будет прекрасная советская опера»². И как он оказался прав. В<аша> опера, действительно, прекрасна. Мы, бедные, конечно, слушали ее только по репродуктору, даже наш <Рекорд?> в тот вечер б<ыл> невыносим, но все же впечатление от некоторых сцен было прямо потрясающим, воображаю как все это было прекрасно там, в театре! Спасибо В<ам> Дмитр. Бор., спасибо и поздравляем В<ас> от всей души, хочется еще многое сказать бы В<ам>, но мне трудно писать теперь... Поздравляю В<ас>

¹ Письмо говорит о том, что 1949 год стал для Кабалевского годом прощения ему «формалистических заблуждений» и нарастанием официального признания, о чем свидетельствуют и редкие для того времени поездки на заграничные музыкальные фестивали, в том числе и в капиталистическую Англию. Наконец, отпечатан тираж пластинок 2-го квартета и полным ходом идет работа над завершением оперы «Семья Тараса», о которой — в следующем письме.

² Премьера оперы «Семья Тараса» по повести Б. Горбатова «Непокоренные» состоялась в Ленинградском академическом театре оперы и балета им. Кирова 7 ноября (!) 1950 г. Восторг неизвестного нам московского студента точно выражает официальное мнение по поводу произведения («победа советского оперного искусства»), которое широко ставилось в СССР и «странах народной демократии». Композитор получил свою третью Сталинскую премию (1951). В этом сочинении следование многообразным традициям русской оперной классики довольно органично сопряжено с сюжетом, связанным с событиями недавней Великой Отечественной войны. Многие номера из оперы пользовались в свое время популярностью и часто звучали по радио. Я это прекрасно помню. Думается, что и сегодня некоторые фрагменты оперы могут привлечь слушателя свежестью и мелодическим обаянием. Но в целом «Семья Тараса» слишком прочно связана с ограничительной эстетикой своего времени и, подобно некоторым старым кинофильмам, сейчас воспринимается как «ретро» определенного этапа истории советского искусства.

также с Н<овым> Г<одом> и от всей души желаю В<ам> исполнения всех В<аших> самых задушевных желаний во всем. Вы помните свое обещание? Конечно, но напоминаю: пластинки Вашей музыки.

13. Д. Б. Кабалевский — М. Б. Миллиор

28 марта 1951 Москва

Многоуважаемая Мария Борисовна, опять мне приходится начинать с извинений за то, что отвечаю с такой задержкой. Я рассчитывал, что после окончания оперы жизнь моя станет легче, но на деле получилось не так. Половину января я провел в Свердловске, половину февраля — в Праге; вчера вернулся из Ленинграда, а сегодня, через несколько часов уезжаю в Харьков. Естественно, что то небольшое время, которое провожу в Москве, верчусь, как белка в колесе. Уйму времени и сил взяла работа по постановке оперы в Москве (до Москвы она была уже поставлена в Ленинграде, Алма-Ата и Свердловске)¹. Свое обещание относительно пластинок я не забыл, но никак не мог их раздобыть. Только сегодня утром получил наконец давно обещанные мне пластинки скрипичного концерта и 2-го квартета. Сегодня я не успею их упаковать и отправить Вам, но сейчас же после возвращения из Харькова (в 1-х числах апреля) обязательно это сделаю. А пока прошу простить за это коротенькое письмецо и желаю Вам всего самого лучшего. Привет В<ашей> дочери.

Ваш Д. Кабалевский

14. М. Б. Миллиор — Д. Б. Кабалевскому

[не позднее июля 1951]

Дорогой Дмитрий Борисович!

Уж совсем было решила не напоминать В<ам> о себе, но только что мы с дочерью с таким наслаждением прослушали муз<ыкально>-обр.<азовательную> лекцию о Д. Б. Кабалевском и слушали нашу любимую музыку, что я не выдержала и вот: «с начала апреля вы получите пластинку квартета и скрип<ичного> концерта». Я так ждала — простите, я теперь

¹ «Семья Тараса» триумфально шествует по оперным сценам СССР, а музыкально-общественная деятельность захлестывает теперь уже знаменитого композитора со все большей силой.

уже почти ничего не вижу, боюсь, что вы не все поймете в моих каракулях. Простите.

Ваша Мария Борисовна

15. Д. Б. Кабалевский — М. Б. Миллиор [Почтовая открытка]
20 июля 1951 г. Москва.

Уважаемая Мария Борисовна!

Посылаю Вам пластинки квартета и концерта¹. Простите, что так задержал. Они лежат у меня уже давно, но никак не мог придумать упаковки, чтоб дошли они до Вас в целости. Да и сейчас боюсь — не побьют ли их в пути. Шлю Вам свой искренний привет.

Д. Кабалевский

16. Д. Б. Кабалевский — М. Б. Миллиор
30 октября 1954 г. Москва

Уважаемая Мария Борисовна, только что вернулся из Кисловодска, где от одной Вашей знакомой узнал, что Вы, видимо, не получили моего последнего письма. Я аккуратно отвечал на все Ваши письма и жалею, что, не желая того, огорчил Вас. Поэтому и пишу сейчас это письмецо и шлю Вам мой искренний привет.

Уважающий Вас Д. Кабалевский

17. М. Б. Миллиор — Д. Б. Кабалевскому
[не позднее ноября 1954]

Ваше маленькое письмо, дорогой Д<митрий> Борисович, доставило мне большую радость. Спасибо за память, внимание и неповторимую деликатность. Но загадку Вы нам загадали большую! Сколько мы с дочерью ни ломаем себе головы, никак не можем понять, кто с Вами говорил². Еще раз спасибо. С искренним пожеланием Вам всего самого лучшего.

Мария Борисовна

Простите каракули, ничего не вижу.

¹ Пока не удалось выяснить судьбу этих пластинок. В каталоге личной фонотеки Е. А. Миллиор, сейчас хранящемся у А. Н. Шейнина, записи музыки Д. Б. Кабалевского отсутствуют.

² Имя знакомой установить не удалось.

Вскоре после смерти матери Елена Александровна Миллиор, видимо, обратилась к Д. Б. Кабалевскому с просьбой прислать письма Марии Борисовны. Как человек, воспитанный в старых традициях, он сохранил эти послания, написанные крупным неровным почерком, несущие на себе отсветы драматизма судьбы и физических тягот, предпослав им следующее письмо:

18. Д. Б. Кабалевский — Е. А. Миллиор
4 июня 1956 г. Москва

Многоуважаемая Елена Александровна. Посылаю Вам десять писем, которые я получил в разное время от Марии Борисовны. По-моему, это все, что она мне писала. Я знал Вашу маму только по этим письмам, но они вызвали во мне большую к ней симпатию, очень теплое отношение. И, конечно же, не потому, что ей нравилась моя музыка, хотя сознание, что твоя работа доставляет кому-то удовлетворение, — не может не радовать. Я по письмам Марии Борисовны почувствовал, что она была человеком хорошей, большой души и доброго сердца. И получить от такого человека одобрение своей работы — это для каждого из нас, людей искусства, очень дорого. Скажу Вам откровенно, что вот такие «письма от слушателей» приносят мне гораздо больше радости, чем любые (даже «хвалебные») рецензии профессиональных критиков. Я понимаю, что вам хочется иметь письма мамы, и поэтому посылаю их Вам.

С искренним приветом и самыми добрыми пожеланиями
Д. Кабалевский

Так завершилась эта «музыкальная новелла» в письмах, написанная самой жизнью. Служение музыке, любовь к прекрасному объединили находящихся далеко друг от друга двух людей с очень разными биографиями.

...И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба...

Из таких невыдуманных историй в конечном итоге складывается многоплановый портрет времени, за скупыми строчками оно встает во всем своем драматизме.

Учитель

Е. А. МИЛЛИОР: ВСПОМИНАЯ ВЯЧ. ИВАНОВА И КРУЖОК «ЧАША»¹

*Вступительная заметка и публикация текста Е. В. Ивановой,
примечания Л. Д. Зубарева*

В основу настоящей публикации положена магнитофонная запись беседы литературоведа В. Д. Дувакина (1909–1982) с ученицей Вячеслава Иванова по Бакинскому университету Еленой Александровной Миллиор (1900–1984), сделанная 10 марта 1973 года в Москве. В феврале-марте этого же года В. Д. Дувакин записывал беседы с М. М. Бахтиным, ныне опубликованные². В этот момент Е. А. Миллиор приехала в Москву, чтобы познакомить Бахтина со своей работой о романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»³; в результате этой встречи состоялась и запись настоящих воспоминаний, о чем Миллиор 15 марта 1973 года писала своей ученице Д. Черашней: «Неделю провела в Москве и было интересно. Свидание с Бахтиным состоялось. <...> Еще было интересное: на магнитофонной ленте записала воспоминания о Баку 20-х гг.»⁴.

¹ Впервые — в ежегоднике теории и истории литературы ИМЛИ РАН «Контекст» (2013. С. 368–397).

² Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным / вступ., статья С. Г. Бочарова и В. В. Радзишевского ; закл. статья В. В. Кожина. М., 1996.

³ Миллиор Е. Размышления о романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник Удмуртского университета : спецвыпуск, посвящ. Елене Александровне Миллиор. 1995. С. 77–128.

⁴ Отрывок из письма цитируется по публикации: К творческой истории «Размышлений о романе М. Булгакова» и к замыслу романа «Дион» (из писем Е. А. Миллиор к Д. Черашней. 1970–1977) // Там же. С. 132.

Запись В. Д. Дувакина, вероятно, самая ранняя по времени фиксация воспоминаний Е. А. Миллиор, до этого известно лишь ее письмо к Н. В. Котрелеву, написанное как отклик на его первую в Советском Союзе публикацию, посвященную Вяч. Иванову и его преподавательской деятельности в Бакинском университете¹. В ответ на присланный Н. В. Котрелевым отклик своей статьи-публикации Е. А. Миллиор 2 ноября 1968 года писала: «Не намерены ли Вы осветить интеллектуальную жизнь Баку тех лет (1919–1925)? Обращаю внимание на проф. Георгия Артемовича Харазова², специалиста в области математики и политической экономии, знатока античной философии и литературы, поэта, мыслителя (во многом “антагониста” В.И.). Пока не поздно, надо собрать материалы об этом замечательном, выдающемся человеке. Работал он в Политехническом институте. Лично я не была с ним близка, но молодежь, группировавшаяся вокруг В.И., общалась и с Г.А.»³. Как следует из публикуемого текста воспоминаний Е. А. Миллиор, собственный рассказ она во многом посвятила этим сюжетам — интеллектуальной атмосфере Баку начала 20-х годов и фигуре Г. А. Харазова, об отношениях которого с Вяч. Ивановым по существу ничего, кроме воспоминаний Е. А. Миллиор, неизвестно. Часть упомянутых в ее воспоминаниях материалов: дарственные надписи на книгах Вяч. Иванова, подаренных Миллиор; письмо Вяч. Иванова к ней; посвящения и стихотворные экспромты (в том числе и приводимые здесь по памяти) — были опубликованы в 90-е годы, а также некоторые записи Миллиор и записи разговоров с ней⁴, где она снова и снова возвращается к сюжетам, впервые изложенным в настоящем устном очерке.

¹ Котрелев Н. В. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1968. Вып. 209. Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. С. 326–339.

² Георгий Артемович (Георг фон) Харазов (1877–1931). Подробнее о работах и судьбе Г. А. Харазова см.: Ключик П. Творческое наследие Г. А. Харазова в контексте развития экономической теории воспроизводства // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 133–150.

³ Письмо Е. А. Миллиор к Н. В. Котрелеву // Вестник Удмуртского университета. 1995. С. 49.

⁴ Вестник Удмуртского университета. 1995. С. 28–30 и др. (имя Вяч. Иванова и воспоминания о Баку присутствуют почти во всех письмах Е. А. Миллиор, опубликованных в этом номере журнала).

Несколько слов о биографии Е. А. Миллиор с фактической и хронологической точки зрения. Родилась в 1900 году, в Баку ее семья переехала в 1903 году, в 1917 году Миллиор закончила гимназию с золотой медалью, в 1919 году поступила во вновь открывшийся Бакинский университет на филологический факультет, который окончила в 1926 году с высшими баллами по всем предметам, написав зачетное сочинение на тему «Культ Эриний». В 1928 году она уехала в Ленинград и в 1934 году поступила в аспирантуру ЛГУ на кафедру древней истории, где ее учителями были С. А. Жебелев (1867–1941) и С. Я. Лурье (1891–1964). Кандидатскую диссертацию на тему «Исократ и 2-й афинский морской союз» она защитила в 1938 году, но уже с 1937 года по распределению преподавала в Удмуртском государственном университете¹ в Ижевске, где с перерывами преподавала до ухода на пенсию.

Публикуемые далее воспоминания составлены на основе расшифровки бесед В. Д. Дувакина с Е. А. Миллиор, в которых принимала участие литературовед Варвара Антоновна (Аветовна) Арутчева (ок. 1900–1991), также учившаяся одновременно с Миллиор в Бакинском университете. Расшифровка записи выполнена Д. В. Радзишевским, текст для публикации предоставлен Н. А. Паньковым. При публикации сохранены некоторые стилистические особенности воспоминаний, опущены только многочисленные речевые повторы, слова-сорняки («значит», «вот», «так сказать» и пр.), а также те вопросы и реплики В. Д. Дувакина, единственная цель которых заключалась в том, чтобы стимулировать беседу и помочь рассказчице; по той же причине опущены и незначительные реплики и замечания В. А. Арутчевой (ее имя сохранено в публикуемом тексте), тем более что В. Д. Дувакин ее воспоминания записал отдельно, и они ждут своего публикатора.

¹ Тогда еще Удмуртский государственный педагогический институт (примеч. сост.).

М.: Называюсь я Елена Александровна Миллиор, хотя друзья обычно обращаются ко мне иначе: Нелли Александровна или просто Нелли, и так же называл меня Вячеслав Иванович, в особенности если мы бывали не в большом обществе. Родилась я в Екатеринодаре, это нынешний Краснодар. Примерно в 1904 году, насколько я знаю, семья переехала в Баку. Отец мой инженер, высокообразованный человек был, владел многими языками, учился за границей, одно время жил в Аргентине — работал как инженер. Мать моя пианистка, преподавала рояль, много выступала как аккомпаниатор, как любительница выступала с чтением стихов. Это я говорю для общей характеристики атмосферы дома. Можно добавить для справки еще такую деталь: один из моих двоюродных братьев — известный драматург Евгений Шварц, другой — известный чтец Антон Шварц, они между собой тоже двоюродные братья. С Евгением Шварцем я не очень близко была знакома, а Антона в детстве знала.

Училась я в Баку в Мариинской гимназии¹, гимназию я закончила в 1917, в год революции, семь классов, а потом поступила на так называемые Блиновские курсы²; они соответствуют нынешним курсам по подготовке в вуз; мы проходили ряд предметов, чтобы восполнить образование до уровня мужских гимназий. Там я занималась и латинским языком, но так как я никогда не предполагала быть гуманитарием, и меньше всего — античником, надо признаться в своем грехе, к латинскому языку относилась довольно небрежно, мне доставляло удовольствие перелагать подстрочники в гекзаметры, а не изучать язык, как положено было, и это очень жаль. Закончила Блиновские курсы, встал вопрос об университете. Бакинский университет образовался в 1919 или 1920 году³. Профессура в основном перебралась к нам из Тифлиса, как тогда называли Тбилиси, и первоначально историко-филологический факультет был и медицинский⁴.

¹ Бакинская женская гимназия была основана в 1874 году. В ознаменование дня коронации в 1883 году гимназии было присвоено имя императрицы Марии Федоровны.

² Судя по воспоминаниям других бакинцев (см.: Об ушедшем веке. Рассказывает Ольга Шатуновская / сост. Д. Кутына, А. Бройдо, А. Кутын. La Jolla (Calif.) : DAA Books, 2001), так называли учебное заведение при Бакинском отделении Женского благотворительного общества во имя Св. Равноапостольной Нины.

³ Бакинский государственный университет был основан решением парламента Азербайджанской Демократической Республики 1 сентября 1919 года.

⁴ Университет был учрежден в составе четырех факультетов (историко-филологического, физико-математического, юридического и меди-

Я собиралась поступать в свое время на естественный факультет, но его не было, и я посещала и тот, и другой, и когда через год или два открылся естественный факультет, я отказалась от этой мысли и осталась на историко-филологическом факультете.

У нас была система не курсовая, а предметная, то есть можно было выбирать и порядок прохождения предметов, и комплекс, но в то же время существовал обязательный для всех минимум, и обычно нам в начале года рекомендовали, в каком порядке предметы проходить. Я слушала курс истории Древнего Востока у профессора Байбакова¹, ученика профессора Бузескула², и историю Древней Греции у профессора Николая Александровича Дубровского³. Мне кажется, что историю Рима я вообще не слушала, просто сдавала по учебникам, во всяком случае это я не помню, но историю Греции я помню очень хорошо, и помню очень хорошо наши первые практические занятия. Это были практические занятия по Фукидиду — разумеется, в русском переводе. Я это говорю вот почему. Вячеслав Иванович Иванов приехал через год. Значит, я была уже на втором курсе и уже к этому времени определила полностью свои интересы. Николай Александрович Дубровский настолько меня увлек, что я уже тогда решила стать античником, и даже уже — заниматься историей Древней Греции, что я и выполнила. Соответственно, в дальнейшем я сдавала, конечно, все необходимые предметы, далеко не всегда слушая соответствующие курсы, как и другие мои товарищи, пользуясь книжками, а посещала те занятия, которые были мне нужны и интересны в связи с моей специальностью, причем не всегда сдавала экзамены по тем курсам, которые я слушала, — это было, так сказать, уже мое дело.

Любопытна такая деталь. Каждый из нас, окончивших Бакинский университет до реформы, то есть когда кончился факультет историко-филологический и был открыт факультет общественных наук, который мы, шутя, называли факультетом ожидающих невест (ФОН), каждый из нас, окончивших,

цинского), но, по всей видимости, физико-математический и юридический факультеты начали свою работу позднее.

¹ Байбаков Евгений Иванович — историк античности, профессор Бакинского университета, позднее выступал официальным оппонентом на защите диссертации Вяч. Иванова в Баку 22 июля 1921 года; шуточные стихи, посвященные защите, см.: Котрелев Н. В. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. С. 328–329.

² Бузескул Владислав Петрович (1858–1931) — историк античности, профессор Харьковского университета.

³ Дубровский Николай Александрович — профессор Бакинского университета, один из его основателей.

получал диплом совершенно индивидуально, а не по общей форме, как сейчас, отпечатанный типографским образом, широкий, имеющий две стороны: на одной, налево, все это было по-русски сказано, а на правой стороне — на азербайджанском языке, и арабским шрифтом, арабской вязью. Мой диплом № 26 1926 года сохранился. А оценки у нас были так: либо «удовлетворительно», либо «весьма удовлетворительно». Могу сказать, что у меня только «весьма удовлетворительно», отчасти по милости Вячеслава Ивановича, я потом скажу об этом.

Итак, когда приехал Вячеслав Иванович, я уже была определенным образом ориентирована в сторону интереса к античной литературе, к античной истории, античной философии, греческой религии и тому подобное.

Д.: А сам по себе переход от историко-филологического к ФОНу означал сильное ослабление университета?

М.: Это была деградация несомненная. И это была одна из причин, об этом я думала дальше сказать, по которым Вячеслав Иванович не остался там. Очень может быть, что, если бы не было ФОНа, Вячеслав Иванович вернулся бы в Баку, у меня есть основания так думать. Ну, просто уже не было места, площадки для его работы. А мы, значит, тоже спешно заканчивали в двадцать шестом году и с ФОНОм уже ничего общего не имели.

Я очень хорошо помню тот день, когда ко мне зашел взволнованный мой приятель, с которым мы одновременно поступали, очень талантливый юноша, рано умерший, такой Борис Евстратов, очень красивый талантливый молодой человек, и сообщил, что приехал поэт Вячеслав Иванов. Видимо, это имя мне уже было известно, потому что я запомнила этот день как событие в жизни и своей, и университета.

Вообще, я могу сказать, что состав профессуры был очень сильный. Я прежде всего могу отметить тех, у которых я училась как историк, прежде всего Николай Александрович Дубровский, совершенно блестящий лектор, замечательный педагог, руководитель семинаров, практических занятий, который учил нас, как нужно обращаться с источниками (я ему то что называется по гроб благодарна). Он читал не только историю Греции, он читал и новую историю, я у него слушала этот курс, спецкурсы читал по новой истории и так далее. Другие курсы по истории вел профессор Ишков¹. Историк блестящий, очень серьезный про-

¹ Ишков Леонид Александрович — профессор истории, заведующий отделом высших учебных заведений НКП Азербайджана, до преобразования историко-филологического факультета в ФОН был его деканом.

фессор. Философию у нас вел Селиханович¹. Логику и греческую философию — я слушала курс по Платону — вел тоже небезызвестный профессор Гуляев² из Казани. Психологию — я не слушала курс, а сдавала просто — у профессора Маковельского³, широко известного. Русскую историю и политическую экономию я сдавала профессору, по-моему, из Киева, Довнар-Запольскому⁴. Это все очень крупные имена, и университет в это время был на большой высоте.

Мне бы хотелось некоторые чисто внешние моменты отметить: они относились вообще к постановке дела и ко всем профессорам. У нас не было, во-первых, ни одной преподавательницы-женщины, мы не представляли себе даже возможность на кафедре женщины. Что касается профессоров, то, за исключением наиболее левого, так сказать, профессора Ишкова, — он, кажется, меньшевиком был, историк, он единственный на кафедре всходил в сером костюме, обычно в сером пиджаке. Это было очень либерально, все же остальные были в строгом черном костюме (я, вообще, не помню был ли пиджак, вероятно, сюртук), Вячеслав Иванович и все остальные тоже. Это одна особенность была.

Вторая особенность была, которую я очень запомнила: профессора, если встречались с нами в коридоре, то здоровались с нами за руку, что сейчас просто даже неприлично считается в нынешних университетах, и называли нас отнюдь не по фамилии, а только по имени-отчеству: Вячеслав Иванович называл меня Еленой Александровной, так было положено. А мне было двадцать лет, так что тон был настоящего университета, в духе немецких, вероятно, университетов такой был стиль общий, серьезный был очень стиль.

Еще одна интересная деталь. Профессора, как положено, перед экзаменами или в начале курса (это я не помню), давали нам список литературы, необходимой для экзамена, причем эта литература бывала на русском, немецком, французском, английском языках, и никого не спрашивали, знаешь ли ты язык

¹ Селиханович Александр Брониславович (1880–1968) — автор трудов по педагогике, профессор Бакинского университета.

² Гуляев Александр Дмитриевич (1870–1930) — специалист по античной истории, профессор Бакинского университета, в 1923–1926 — ректор университета.

³ Маковельский Александр Осипович (1884–1969) — философ и историк, профессор Бакинского университета, позднее — член-корреспондент АН СССР.

⁴ Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867–1934) — экономист, историк, фольклорист и этнограф, родом из Белоруссии.

ки, это считалось само собой разумеющимся. Учебников было немного, это тоже нужно отметить для дальнейшего, это был молодой университет, библиотека только создавалась, и русские книги и учебники, нужные для сдачи экзаменов, были в ходу, трудно было получить. Так что некоторые экзамены я сдавала, пользуясь только немецкой литературой. Экзамен по Древнему Востоку, который был самым первым в моей жизни в университете, и поэтому я его запомнила, я сдавала в зимнем семестре Байбакову, и часть этого курса я изучала по книгам Эдварда Майера¹. Причем это никого не приводило ни в восторг, ни в умиление, ни в удивление, все это было совершенно само собой разумеющимся, что человек, который брался учиться в университете, должен был знать какой-то язык в совершенстве. Курс по истории эллинизма (я сдавала его тоже Байбакову, он у нас читал спецкурс истории эллинизма) — я сдавала его, пользуясь немецкой соответствующей книжкой Кёрста². Экзамен по истории Греции я в основном сдавала, как я помню, по Белоху³, и тоже как будто бы на немецком языке, но это я точно не помню, во всяком случае не по учебнику, а по настоящим фундаментальным курсам.

Вот так мы учились, мы работали по-настоящему, не по облегченным каким-то книжечкам и учебникам, а по-настоящему. Как я сказала, мы изучали Фукидида у Николая Александровича Дубровского, и изучали так, что потом я на всю жизнь основное знала, мы эти два тома в издании Сабашникова⁴ проработали как следует быть. А когда мы это окончили, он нас познакомил с элементами изучения эпиграфики. Нет, это я, кажется, говорю неправду, с эпиграфикой нас познакомил Вячеслав Иванович, с греческой эпиграфикой, а он знакомил нас с какими-то другими источниками — может быть, с Псевдоксенофоновой «Афинской политией» или что-то другое. Да, еще я вспомнила, что у нас преподавал уже ныне покойный, довольно известный в Москве и за пределами (кажется, он тоже был профессор или

¹ Майер (Meyer) Эдуард (1855–1930) — крупнейший немецкий ученый, специалист по древней истории.

² Вероятно, имеется в виду исследование немецкого историка античности Юлиуса Керста (Julius Kaerst) «Geschichte des Hellenistischen Zeitalters».

³ Белох Карл Юлиус (1854–1929) — выдающийся немецкий историк. Вероятно, имеется в виду его двухтомный труд «Греческая история» (1893–1897), который уже в конце 90-х перевел на русский язык М. О. Гершензон. Современное издание см.: Белох Ю. Греческая история : в 2 т. М., 2008.

⁴ Имеется в виду издание сочинений греческого историка Фукидида: История : в 2 т. / пер. Ф. Мищенко с примеч. и вступ., статьей С. Жебелева. М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1915.

доцент) Бергер, автор книги о демократических учениях в греческой публицистике, я не помню ее названия¹. Он вел семинар, по-моему, по Аристотелевой «Афинской политии», я проходила у него, была в этом семинаре.

Каждый год объявляли разные курсы и разные практические занятия, разные семинары, и я совершила и правильную, и очень ошибочную для себя вещь, потому что я даже дублировала, проходила множество семинаров и спецкурсов по интересующим меня вопросам и очень пренебрежительно относилась ко всему остальному. В результате получилось так, что я могла преподавать античность и совершенно не бралась никогда за преподавание средних веков или новой истории. Я все это сдавала, но ограничивалась этим. Только один семинар по наказаниям третьему сословию Французской революции я проходила у Николая Александровича Дубровского, но этот семинар не был завершен, он ушел из университета. Это все может быть интересно, потому что рисует общую картину в традиции немецких университетов.

Если еще два слова добавить, то я могу сказать, что у меня были практические занятия на греческом языке по Платону. Это, правда, были только языкового порядка, мы читали «Федон» Платона на греческом языке на второй год после прохождения элементарного курса, и отдельно был курс Гуляева по Платону. Я сдавала общий курс истории религии у Байбакова, он читал такой общий курс, у меня есть экзамен по этому курсу, но в основном восточные религии, и специальный курс истории греческой религии. У Байбакова я слушала и курс по истории <религии>, по происхождению христианства. Я не сдавала этот курс, но очень внимательно к нему относилась, слушала его, он дал мне в свое время чрезвычайно много. Курс истории Византии я слушала у профессора Зуммера, который был и искусствоведом², и очень хорошо помню, как я получила у него «весьма удовлетворительно», пошла к Вячеславу Ивановичу, с гордостью это сказала, Вячеслав тут же стал меня экзаменовать по Византии и был весьма недоволен моими знаниями, так что критерии были различные. Что касается таких курсов, у нас были история тюркских народов и история Востока нового времени, их читал профессор Жузе, большой знаток³, но я не слушала эти курсы, у него были книги, я просто по этим его же

¹ Вероятно, имеется в виду работа Бергера Анатолия Ксаверьяновича «Политическая мысль древнегреческой демократии» (М., 1966).

² Зуммер Всеволод Михайлович (1885–?) — историк искусства.

³ Жузе Пантелеймон Крестович (1871–1942) — выдающийся тюрколог.

книгам изучила курс этот и соответствующим образом сдала. Вот это было у нас принято.

Итак, я возвращаюсь к ходу дела. Когда приехал Вячеслав Иванович, я уже была заинтересована в античности. Вячеслав Иванович читал очень много курсов. Как известно, напечатана статья в сборниках Тартуского университета «Вячеслав Иванов — профессор Бакинского университета», где перечисляются курсы, которые он читал, и там же напечатано мое дополнение, или примечание, в котором я указывала неточности, допущенные автором¹. Читал он настолько разнообразные курсы, что сейчас любой профессор может только, так сказать, глаза раскрыть от удивления. Он читал специальный курс по Гомеру, и, насколько я помню, по «Илиаде», этот курс я слушала и сдавала, особый курс по истории греческой лирики, который я слушала (не помню — кажется, тоже сдавала), причем, конечно, Алкея и Сафо он давал в своем собственном переводе, это было чрезвычайно сильное впечатление, этот курс. Потом, он читал для очень широкой аудитории курс греческой трагедии. Эсхила он давал в своем переводе.

Я очень хорошо помню также, как он рассказывал нам биографию Софокла. Тут есть одна любопытная деталь, я ее передам. Читал он Еврипида, но Еврипида он не любил, и я почувствовала Еврипида много-много лет спустя, а Еврипида Вячеслава Иванова я просто не помню. Когда он читал вводную лекцию по Софоклу, рассказывая о его жизни, он, между прочим, говорил о том, как Софокл был в свое время стратегом, как он на одном из островов, куда причалила его эскадра, был приглашен на пир и как он просил хорошенького мальчика-виночерпия сдуть перышко с вина, и в том месте, где прикоснулись губы этого мальчика, сам пил вино, как бы таким способом — это был греческий способ — целуя этого красивого мальчика. Убеждена, что ни один профессор истории греческой литературы в настоящее время такую ужасную, в кавычках, деталь не передал бы, а Вячеслав Иванович с тонкой улыбкой это рассказывал, и мы это очень хорошо понимали и воспринимали. Это, я думаю, характерная деталь для Вячеслава Ивановича.

Кроме того, он вел курс по немецким романтикам, это я не слушала, спецсеминар по Гете, по «Фаусту», конечно, в оригинале, разумеется, очень интересный не то курс, не то как-то и с практическими занятиями связанный «Пушкин и Достоевский», да, «Пушкин и Достоевский», очень интерес-

¹ Имеется в виду вышеназванная работа Н. В. Котрелева «Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета».

ный был курс — я, кажется, один раз посетила его, невозможно было все посещать, — и еще целый ряд других разнообразных курсов из самых разнообразных эпох. Как видите, тут была и русская литература, и немецкая литература, и другая. Затем, был чрезвычайно интересный курс по поэтике, который я не систематически, но все же посещала, где он нас знакомил с современным для того времени стихосложением. Вот это может дать хоть какое-то представление, но я посещала у него то, что имело для меня, для моей дальнейшей работы, особенное значение, — он вел курс по греческой <литературе>, по Эсхилу, спецкурс... Мы читали Эсхила «Орестею», но не всю «Орестею», а читали мы «Эвмениды» на греческом языке, на этом я хочу остановиться чуточку подробнее, это важно.

Университет, как я сказала, был молодой. Здание было прежнего Коммерческого училища. В большом помещении было сделано отдельное помещение, такой деревянный закуток, который назывался кабинет классической филологии. Это было удивительное место. Кто там бывал, запомнил все, связанное с ним, на всю жизнь. Это было далеко не только то место, где мы занимались у Вячеслава Иванова, там же мы и готовились к занятиям, там же молодежь устраивала свидания, встречи и так далее. Словом, это было самое дорогое наше собственное место. Ключ был у Вячеслава Ивановича, и я помню, как однажды я в выходной день должна была позаниматься, я зашла к нему домой (об этом я тоже скажу, как он жил) и взяла ключ, пошла, позанималась, одна сидела там, конечно, а потом, переведя то, что мне было нужно, вернулась и вернула ему ключ, вот это как было. В этом помещении стоял шкаф, а в шкафу были очень важные пособия для нас. Было: «История греческой религии» Рошера¹, «Мифология» Рошера². Был словарь — ну, неполный, конечно, в то время — Паули-Виссова по античности, самая руководящая работа для каждого античника, без которой вообще

¹ Ошибка мемуаристки, у Г. Рошера нет такого сочинения. Вероятно, в библиотеке была либо трехтомная «История религии античной Греции» аббата Мори (Maury «Histoire des religions de la Grèce antique»), либо труд немецкого филолога-классика Велькера (Welcker F. G. Griechische Götterlehre. Göttingen : Verlag der Dieterichschen Buchhandlung, 1857–1863. Bd. 1–3). Оба исследования изучал Вяч. Иванов в процессе работы над «Эллинской религией страдающего бога». См.: Богомолов Н. А. К изучению круга чтения Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы / отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский и А. Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. С. 453–454.

² Имеется в виду лексикон немецкого ученого Г. В. Рошера «Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie» («Подробный лексикон греческой и римской мифологии»).

невозможно жить¹, и другие книги, и мы всей этой литературой пользовались.

Я, пожалуй, расскажу о том, как Вячеслав Иванович жил, бытовую сторону, а потом уж остановлюсь более подробно на занятиях, это будет лучше. Первоначально он устроился или его устроили в университете во втором этаже в крохотной комнате, которая выходила прямо в университетский коридор. Он там жил со своей дочерью старшей Лидией, сейчас она композитор, довольно известный в Италии, и младшим сыном Димой, Димитрием Вячеславовичем². Нелегко, конечно, жилось ему, естественно, в такой обстановке. Я запомнила один день особенно. Лидия Вячеславовна, — Лида тогда, конечно, просто (она года на три была старше меня), заболела тифом, и он вызвал из больницы транспорт перевезти ее и в большом волнении ожидал этот транспорт. Видимо, занятий в это время не было, я оставалась с ним, мы бродили по коридору, и он рассказывал в это время мне какие-то очень сложные вещи, я их в деталях не запомнила, о какой-то христианской секте. Вот это чрезвычайно характерно для Вячеслава Ивановича: он общался с нами в разное время, и не было такого момента, который он не использовал бы, если обстановка была подходящая, чтоб не дать нам каких-нибудь очень существенных знаний или толчка каким-то серьезным научным или иным философским интересам. И этот день, когда мы с ним бродили по коридору и он мне рассказывал, я очень запомнила.

Потом его жизнь стала чуточку полегче, ему отвели другое помещение, выходящее в университетский двор, во флигель. Там было две комнатки небольшие, где жил он, был его кабинет, и во второй комнате Лидия Вячеславовна, ее брат Дима; из этого второго помещения он и выехал в дальнейшем в Москву и затем в Италию. Тут у него бывали самые разнообразные люди, весь цвет бакинской интеллигенции и те, которые туда приезжали, ну, например, Сергей Городецкий туда приезжал к нему³.

¹ Имеется в виду выходившее с 1893 года под редакцией Г. Виссова (Wissowa) многотомное издание энциклопедии классических древностей Паули «Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft».

² Жизнь семьи Вяч. Иванова в Баку подробно описана в воспоминаниях: Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце / подгот. текста и коммент. Дж. Мальмстада. М., 1992.

³ Поэт Сергей Городецкий (1884–1967), входивший в петербургское окружение Вяч. Иванова; после распада 1-го Цеха поэтов в 1915 году отошел от него. В 1916–1921 гг. жил на Кавказе, печатался в газетах Тифлиса и Баку. Поскольку Городецкий занимал просоветскую позицию, после переезда Вяч. Иванова в Баку сколько-нибудь дружеские отношения между ними не восстановились.

Насколько я помню, — это не очень отчетливо помню, — но, по-моему, приезжал Пяст¹, посещали его музыканты. Так что это было что-то заменяющее знаменитую башню в Петербурге, эта его маленькая квартирка двухкомнатная в университетском дворе.

Рядом был такой небольшой коридор, и нужно было его пройти, и в начале коридора — помещение, которое когда-то было ванной, но ванной там давно уже не было. Вот это темное, довольно мрачное узкое помещение было отведено его другу, который приехал откуда-то из Причерноморья, из Сочи или еще не помню откуда, Сергей Витальевич Троцкий, человек очень своеобразный, чрезвычайно интересный, талантливый, ну, очень своеобразный, и женственный несколько по облику². И мы, значит, наша студенческая братия (собственно, я к ней не принадлежала в данном разрезе), сочиняли стихи, гекзаметром, разумеется, посвященные Вячеславу Ивановичу и окружению. К сожалению, стихи эти пропали, но стишок один мне запомнился, он тоже характерен: «В комнате ванной плескалась нимфа ручная Сережа», Сергей Витальевич Троцкий. Вот такие вот образы. В этой же поэме были первоначально такие строчки: «Выпито много с утра, а с вечера вчетверо боле». По-моему, автором этих стихов был Миша Брискман, один из учеников Вячеслава Ивановича³. Это демонстрировалось на наших собраниях.

Д.: А он не имел какого-нибудь отношения к Льву Давидовичу Троцкому?

М.: Разумеется, никакого отношения он к нему не имел, и не мог иметь, потому что Сергей Витальевич принадлежал к русскому дворянству, его родной племянник был сыном генерала Янушкевича⁴, то есть совершенно другой круг, и тем не ме-

¹ Пяст (настоящая фамилия Пестовский) Владимир Алексеевич (1886–1940) — поэт-символист, входил в петербургское окружение Вяч. Иванова.

² О Сергее Витальевиче Троцком подробнее см. во вступительной статье и комментариях к его воспоминаниям: Троцкий С. В. Воспоминания / публ. А. В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10; Вячеслав Иванов. Материалы и публикации / сост. Н. В. Котрелев // Там же. С. 41–88.

³ Брискман Михаил Аркадьевич (1904–1975) — один из учеников Вяч. Иванова по Бакинскому университету, участник семинара по поэтике. После окончания университета в 1927 году переехал в Ленинград, работал библиографом, став крупным специалистом в области библиотекосведения.

⁴ Генерал Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918) — видный военачальник, входивший в окружение великого князя Николая Николаевича.

нее ему пришлось, как это ни забавно, изменить в дальнейшем свою фамилию, потому что она совпадала с партийной кличкой известного Троцкого.

Так вот, у меня были написаны стихи, я их целиком не помню (да и вряд ли это стихотворение целиком интересно), но начало как-то характеризует впечатление, которое оставлял на нас Серженька, — никто его не называл Сергей Витальевичем, его называли Серженькой, — и он очень любил кошек, так же как и Лидия Вячеславовна, так что однажды произошел даже несчастный случай: он стоял к ней спиной, она бросила в него кошку, думая, что вцепится кошка в его спину, а он как раз повернулся, и кошка оцарапала ему лицо. Я это запомнила, потому что Лидия была просто в отчаянии от того, что произошло. Но несчастья никакого, конечно, не случилось. Так вот начало стихотворения, которое я читала и Вячеславу Ивановичу, посвященное Серженьке:

Он многим мог казаться очень странным,
У многих он улыбку вызывал,
А я запомню, верно, навсегда
Костюм его, слегка необычайный,
Его прическу лорда Фонтлероя,
Короткий смех, и речь, когда, жеманясь,
Он утверждал, что это очень честно,
И прижимался выбритой щекой
К упорно равнодушному коту.

Он очень протестовал против этой последней строки, утверждая, что кот не был к нему равнодушным.

Как Дориан любил цветы и камни,
Мечтал о женщинах, рубинах и алмазах,
Он грезил, там, о каких-то, там, дальше камнях,
В его руке всегда лежали чётки,
Он их перебирал порой небрежно,
Он их любил, как милую игрушку,
А может быть, как талисман нелживый.

И вот к чёткам были прикреплены две золотые ручонки, из золота сделанные крошечные украшения:

И я, прощаясь, не руки, а игрушечные ручки
Любила пожимать.
Так он пленил меня улыбкой милой
И сложностью исканий...

Я забыла это слово, потому что, когда я это прочитала, Вячеслав Иванович улыбнулся и переделал мой стих. Я там что-то комплиментарное сказала — «сложностью его исканий», а Вячеслав Иванович, улыбнувшись, сказал: «и тонкостью туманных умозрений». Это строчка Вячеслава Ивановича: «И тонкостью туманных умозрений». Вот таков был Серженька. Более подробно его внешность вы опишете?

Арутчева: Я с ним знакома не была, но на улице, когда я его впервые встретила с Лидией Вячеславовной, я была поражена. Он был одет в пиджак такой примерно, как Евгений Онегин носил, с большим бантом черным, брюки у него были, по-моему, гольф, длинные черные чулки, волосы длинные, стриженные, не до плеч, но чуть покороче, и мне даже кажется, он немножко подкрашивался...

М.: Подкрашивался.

Д.: Значит, он был слушателем?

М.: Нет, он был уже человеком немолодым в это время... Он был просто другом, который жил до этого где-то, не знаю точно, в Сочи или в Сухуми, страшно нуждался, был совершенно одинок и затем приехал в Баку, чтоб быть около близких людей.

Арутчева: Сколько ему лет было примерно? Ему под сорок, наверно, было?

М.: Ну, вот что-нибудь в этом роде.

Д.: Значит, это был непосредственно близкий друг, приятель Вячеслава Ивановича?

М.: Семьи Вячеслава и дочери...

Д.: И в какой-то степени характеризует ее атмосферу, так же, как вы характеризовали атмосферу, в которой вы росли. Так, и это атмосфера петербургских салонов примерно на десять лет раньше?

М.: Ну, примерно так, да, конечно, согласна.

Д.: Которая законсервировалась вот в таких экзотических условиях полуэмигрантского-полусоветского Баку, потому что началось это когда еще там не было советской власти...

М.: Нет-нет, они приехали все при советской власти... Иначе они не могли бы и приехать в Азербайджан.

Арутчева: Они от голода уезжали, мы все от голода.

М.: Они уехали от голода в Баку, в советский Баку.

Д.: А там не дашнаки были, нет?

М.: Нет, там был мусават. Мусаватисты — это Азербайджан, а дашнак — это армяне. А приехали они все, нет, из Тифлиса приехали раньше — в девятнадцатом году, Николай Александрович Дубровский из Тифлиса приехал в девятнадцатом

году, а из России все приехали, когда Баку стал советским, в двадцатом году.

Д.: Ну, продолжайте о Вячеслав Ивановиче.

М.: Значит, чтобы эту бытовую сторону закончить, — расскажу еще одну деталь, тоже не совсем обычную для современных университетов (а впрочем, я не знаю, не настаиваю). Я в это время была слушательницей и одновременно работала в библиотеке, библиотекарем Бакинского университета. И вот приближался день моего рождения. Сколько мне тогда исполнялось, я не помню, — вероятно, двадцать три года, что-нибудь в этом роде, и я предполагала созвать друзей в ближайший выходной день, но каким-то образом, не от меня, конечно, Вячеслав Иванович узнал, что такого-то числа, девятого октября, мой день рождения, и вот он пригласил меня к себе домой, чтобы вместе отпраздновать мой день рождения. В моей жизни, конечно, значительный факт, и, поскольку я рассказываю исходя из своих собственных воспоминаний, я считаю возможным и это сообщить. Из гостей присутствовал, насколько я помню, только один человек — его ближайший ученик и друг Моисей Семенович Альтман¹. Ну, конечно, как это положено, произносили тосты в честь именинницы, а Моисей все время говорил, что он скажет лучше, чем все остальные, и, наконец, подняв бокал, произнес: «Melior», что и значит по-латыни «лучше». Правда, он чуточку искажил мою фамилию: не «Меллиор», а «Миллиор», но все же это получилось достаточно остроумно, а Моисей Альтман всегда и был, и остается человеком остроумным и мастерски владеющим словесной игрой, и он до сих пор с некоторым самодовольством даже вспоминает, как он этот тост произнес, — «лучше», чем все остальные. Вот был такой день.

Д.: Простите, а Моисей Альтман, это что — брат Натана Альтмана?

М.: Никакой не брат, это просто однофамилец, никак не связан с художником. Отношения между Вячеслав Ивановичем и Моисеем были несколько иные, чем со всеми нами, потому что к тому времени Моисей Семенович уже успел закончить медицинский факультет в Киеве, был человеком уже взрослым, и образованным, и очень талантливым, и, кстати сказать, Моисей Семенович получил диплом Бакинского университета историко-филологического факультета номер один, в этом его тоже особенность. Вячеслав Иванович с ним много говорил

¹ Альтман Моисей Семенович (1896–1986) — литературовед, ученик Вяч. Иванова по Бакинскому университету и его биограф, по его записям подготовлена кн.: Альтман М. С. Разговоры с Вяч. Ивановым / сост., подгот. текста В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995.

по вопросам литературы, но это все известно, поскольку опубликовано в сборнике Тартуского университета, беседы Альтмана с Вячеславом Ивановичем¹.

У нас были отношения иные, но надо сказать, что Вячеслав Иванович, если так можно выразиться, с каждым из нас имел свой особый роман. Эти отношения были настолько индивидуальны и он давал каждому так много, что даже такой невероятно ревнивый в свое время человек, как я, не ревновала к моим товарищам, потому что больше, чем мне давал Вячеслав Иванович, я уже принять просто бы не могла, это был максимум. Я ходила все время в состоянии какого-то особого подъема и возбуждения, вызванного встречами с Вячеславом Ивановичем.

Педагог он был такой: он умел держать в прицеле каждого в отдельности. Так, например, однажды (ну, я дальше расскажу об этом подробнее, о наших занятиях, но пока в контексте это будет уместно), однажды я делала доклад на семинаре, и сделала его неудачно, что может с каждым студентом случиться. Вячеслав Иванович, несмотря на нашу дружескую близость, *очень* резко ну, не осудил, но покритиковал меня, и я, как тоже очень характерно для студентов, немедленно пришла в отчаяние, решила, что все равно ничего не выйдет, что я человек бездарный и тому подобное, и стала относиться весьма пассивно ко всему, сидела и на его занятиях с весьма мрачной физиономией. Вячеслав Иванович видел, это были небольшие аудитории, я сидела впереди, и он заметил мое состояние, и однажды, когда я проходила через его квартиру — я бывала там по особым делам, — он остановил меня и со мной побеседовал. Надо сказать, я находилась в таком возбужденном состоянии, что я как-то не запомнила самое содержание беседы, кроме отдельных его реплик. В общем, он говорил о том, что я должна была читать для комментария его книгу «Дионис и прадионисийство», и я многое там не поняла, что немудрено: книга написана исключительно сложным языком, исключительно сложные мысли. И он не без такого внутреннего удовольствия говорил: «Да, моя книга — твердый орешек», и в общем, он успокоил меня, я вышла от него буквально ощущая, что у меня выросли крылья. Вот это я считаю очень большой педагогической заслугой Вячеслава Ивановича: он беспощадно критиковал, но никогда не доводил человека до отчаяния.

¹ Впервые беседы Альтмана с Вяч. Ивановым были частично опубликованы: Альтман М. С. Из бесед с поэтом В. И. Ивановым / примеч. М. Э. Коор // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1968. Т. IX. Вып. 209. С. 304–325.

Да, я забыла сказать, сейчас я вспомнила, что был еще один чрезвычайно интересный семинар, в котором я принимала участие и доклад делала (насколько я помню, неудачный, потому что это было, действительно, слишком сложно для большинства из нас). Доклад этот был «Ницше и Дионис», и тогда вот я прочитала, разумеется на немецком, и знаменитую работу Ницше «Die Geburt der Tragödie aus dem Geist der Musik»¹, и тогда ознакомились с книгой Роде «Псюхе», причем это... я получила Роде из рук Вячеслава Ивановича.

Д.: Повторите еще раз название книги по-немецки и точное — по-русски.

М.: Хорошо, если это нужно.

Д.: Да.

М.: Значит...

Д.: Книжка...

М.: ...«Die Geburt der Tragödie aus dem Geist der Musik» — «Рождение трагедии из духа музыки» Ницше, на немецком, и книга Роде «Псюхе» — «Душа», о греческой религии, о Дионисе, которую тоже я получила из рук Вячеслава Ивановича. Я ни ту, ни другую книгу никогда на русском в руки не брала. Сейчас мне подарили два тома Роде «Псюхе»², конечно на немецком языке, она вообще, по-моему, на русский и не переводилась. Это все любопытно для атмосферы того времени, для характера нашего семинара, уровня. Но все это было очень сложно. Ницше и Дионис — это тема скорее диссертационная, чем ученического реферата. Теперь я хотела бы уже более подробно остановиться на его курсе, посвященном Эсхилу; проводился не курс, собственно, а практические занятия по Эсхилу. Эсхила он вел как часть своего лекционного курса греческой трагедии, который я слушала. И был еще спецсеминар по «Эвменидам» Эсхила. Мы прочитали целиком, насколько я помню, за длительный срок, «Эвмениды» Эсхила. Некоторые места я даже запомнила наизусть. Например, начало монолога Пифии:

Ν ΔΕΙΝΑ ΛΕΞΑΙ, ΔΕΙΝΑ Δ' ΟΦΘΑΛΜΟΙΣ ΔΡΑΚΕΙΝ,
ΠΑΛΙΝ Μ' ΕΠΕΜΨΕΝ ΕΚ ΔΟΜΩΝ ΤΩΝ ΛΟΞΙΟΥ³.

¹ Имеется в виду работа Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки».

² Имеется в виду книга немецкого философа, последователя Ф. Ницше Эрвина Роде (1845–1898) «Псюхе. Культ душ и вера в бессмертие» (Rhode E. Psyche. Seelenkultur und Unsterblichkeitglaubt. Freiburg in Breislaw ; Leipzig, 1890–1894. Bd. 1–2).

³ Не только что глядеть — назвать и то страшусь.

Меня из храма гонит ужас... (Пролог трагедии Эсхила «Эвмениды»)

И некоторые другие места. Задача была такая: каждый получал небольшой отрывок, который должен был прочитать, перевести и дать комментарий двойной — прежде всего, конечно, комментарий грамматический, и во-вторых — реальный комментарий, то есть относящийся к греческой мифологии. И мы соответственно должны были использовать ту литературу, которую он нам предлагал; его собственные личные книги, и, как я уже сказала, исключительно на немецком языке. Это был Роде, Рошер, словарь Паули-Виссова и, может быть, что-нибудь еще, что я не помню.

Увлекались мы чрезвычайно. Занятия проходили вечером. До обеда, в первую половину дня, был там медицинский и естественный, кажется, факультеты, а занятия историко-филологического проходили во вторую половину дня. Шесть часов были занятия, но обычно я посещала две пары, — насколько я сейчас помню, последние (а может быть, и было их только две, это я сейчас боюсь сказать). Но я знаю, что занятия, о которых я говорю, занятия по Эсхилу, — проходили уже в последней паре, и для нас времени не существовало. Если предполагался, значит, конец, последний звонок, мы отправлялись к швейцару, забирали нашу верхнюю одежду, возвращались и сидели столько, сколько нам этого хотелось. И нам, конечно, и в голову даже не могло прийти: «Ах, он нас задерживает!», «Ах, мы устали!» — или что-нибудь подобное, хотя...

Д.: А что *он* устал и *вы* его задерживаете, это вам тоже не приходило в голову?

М.: Об этом тоже мы не думали, потому что он увлекался так же, как и мы увлекались, это была наша жизнь, тут не было момента, что это работа, которая может утомлять. Причем многие из нас, и я, служили, работали, так что это не то что мы, отдохнув первую половину дня, приходили на занятия: мы приходили на занятия уже отсидев шесть часов, я — в библиотеке, другой — в каком-то другом месте, и он, конечно, и готовился, и встречался, и день был чрезвычайно напряженный у него, и тем не менее вот так.

Бывали и другие вечера, когда мы заканчивали занятия и потом отправлялись в нашу Филармонию в саду — когда-то он назывался Губернаторский сад (как он назывался потом, я не помню), а самое здание называлось ОСГД; что значит ОСГД я сейчас не представляю себе, никто мне не может это объяснить, но это было великолепное здание, оно и сейчас, вероятно, существует в Баку, в таком итальянском стиле, с несколькими широкими ступенями-террасами, и на одной из этих ступеней-террас находилась раковина для оркестра, и там весной и ле-

том, когда уже тепло бывало, выступала Филармония. И я очень хорошо помню, как мы, сидя рядом, слушали 6-ю симфонию Чайковского и как он говорил мне о скерцо: «Природные духи шалят». Тоже для него очень характерно. И таков был и стиль отношений, опять-таки, совместно: музыка, книги. Он всегда знал, что мы читали, и очень хорошо помню, как он в это время перечитывал «Войну и мир» Толстого. Обычно считается почему-то, что Вячеслав Иванович не любил Толстого, но я очень отчетливо помню, и выдумать это я не могла, даже интонацию его помню, как он говорил с восторгом: «Это ж Гомер! Это ж Гомер!». Он как будто бы впервые для себя в эти годы открыл «Войну и мир» Толстого.

Вот таков был общий стиль нашей работы и наших отношений. Ну, всего, конечно, не передашь, и память не все сохранила. Тут интересны многие детали, еще одну деталь я приведу. Разговор, при котором я не присутствовала, насколько я помню, но мне его передали присутствовавшие, потому что это очень интересный был разговор. Он беседовал с какой-то знакомой девушкой, — кажется, даже не студенткой, — которая высмеивала одного, другого, третьего из общих знакомых, и Вячеслав Иванович, так сказать, подыгрывал ей, смеялся сам. А потом она как-то с недостаточным уважением отозвалась о Хлебникове, и тут Вячеслав Иванович взъярился, а он был очень страшен в гневе (это я говорю не иронически и не шуточно, я видела его один раз рассерженным, это очень страшно было), и, стукнув кулаком, сказал: «Не касайтесь Хлебникова, это гений!».

Совсем иначе он отозвался о Сергее Есенине, который приезжал, кажется, в двадцать четвертом или двадцать третьем году в Баку¹. Он там некоторое время жил, и выступление у него было в университете. Очень хорошо помню, как мы сидели втроем в комнате Вячеслава Ивановича: Вячеслав Иванович, Серженька и я — и говорили о Есенине, и Серженька как-то без особого уважения говорил, без особой симпатии говорил о Есенине, и Вячеслав возразил ему с такой вячеславской специфической улыбкой: «Хорошенький мальчик». Значит, Есенин для него был прежде всего хорошенький мальчик, и поэтому он относился к нему благосклонно.

Арутчева: Но, вероятно, он и тому хотел сказать «хорошенький мальчик». Ну, Троцкому.

¹ О приездах С. Есенина в Баку см. главу «О Сергее Есенине» в воспоминаниях В. А. Мануйлова «Записки счастливого человека» (СПб., 1999. С. 108–140).

М.: Нет, он совсем уже был и не мальчик, и не хорошенький, тут другие были отношения. А к Маяковскому он, видимо, относился очень отрицательно. Я была полностью под влиянием Вячеслава Ивановича и чрезвычайно жалею, что не была... Все мои друзья были, а я почему-то не пошла на выступление Маяковского¹, до сих пор об этом я жалею, но я была настолько под влиянием Вячеслава, что отнеслась с самого начала враждебно к Маяковскому, о чем очень жалею, но ничего не поделаешь.

Был в это время в Баку еще один замечательный человек, о котором подробно я рассказать просто не сумею, не только по времени, но и по возможностям, но упомянуть считаю прямо необходимым, — человек, о котором в дальнейшем было бы очень хорошо, если бы люди писали бы книги и диссертации, все что угодно, совершенно исчезнувший из памяти, но о нем мог бы подробно и содержательно рассказать Моисей Семенович Альтман, на это я обращаю внимание моих потенциальных слушателей, вот. Это был очень талантливый, исключительно талантливый человек по фамилии Харазов. Ой, как же его имя-отчество было, я сейчас забыла... Артемьевич или Артемий... Владимирович?... забыла его имя-отчество². Харазов фигура очень крупная и очень интересная, и чрезвычайно жаль, что архив его погиб, и как-то о нем нет нигде упоминания, поэтому я хотела бы очень о нем сказать несколько слов. Когда мы, ученики Вячеслава, в шестьдесят шестом году собрались и отмечали столетие со дня его рождения, Моисей Семенович кое-что говорил о Харазове, что Харазов был антиподом, антагонистом Вячеслава Ивановича в области мировоззрения, и оба они были настолько сильными, что он от Вячеслава Ивановича ходил к Харазову, чтобы не полностью поддаться влиянию Вячеслава, и от Харазова ходил к Вячеславу, чтобы не полностью поддаться влиянию Харазова. Я с ним познакомилась, и Харазов проявил ко мне определенный интерес. Я очень хорошо помню, как один вечер мы с ним бродили по бульвару и он все пытался узнать тайное моей души, что мне совершенно не было желательно, я этого избегала. Помню нашу беседу в общих чертах. А дальше произошло вот что удивительное. Вячеслав каким-то обра-

¹ О выступлениях в Баку Маяковского см. там же главу «В. В. Маяковский». С. 141–153.

² Харазов Георгий Артемьевич (ум. 1931) — доктор экономических наук, профессор Бакинского университета, поэт (примыкал к тифлисским футуристам), критик. Источники для биографии Харазова см. в комментариях к кн.: Альтман М. С. Разговоры с Вяч. Ивановым. С. 173, — а также высказывания Альтмана о нем и записи бесед с ним по именному указателю.

зом узнал о том, что Харазов интересуется мною, а я, очевидно, Харазовым, и, вызвав меня, сказал, очень строго: «Или я, или Харазов, выбирайте». (*Арутчева смеется.*) Любопытно, что никому другому он этого не говорил: ни Колобовой, ни Альтману, его ближайшим ученикам, а вот мне он это сказал: «Либо Харазов, либо я». Может быть, он чувствовал, что я человек, легко поддающийся под влияние, и не хотел меня отдавать Харазову. Я, конечно, на это ответила влюбленно: «Вы, Вячеслав Иванович».

Помню, между ними был диспут. Харазов был профессором Политехнического института, был он специалистом и в области высшей математики, и по политической экономии. Я читала его книгу по политической экономии чрезвычайно интересную, но, кроме того, он был чрезвычайно интересным, и талантливым, и своеобразным поэтом, и превосходно знал античность, знал Гомера. У него есть стихотворение, его со мной нету, я наизусть его не помню, но оно у меня хранится, «Одиссей», замечательное стихотворение, очень выразительное, прекрасно сделанное, и другие стихи. Вот я одно, кажется, вспомню: «Я...», вот второе слово забыла, не «исключительно», а как-то иначе:

Почитывал когда-то Герца,
...Так же компаньон
Непонимающего сердца.
Что день, то все наоборот,
Что ночь — такая чертовщина!
Я, слава Богу, идиот,
А не мудрец и не машина.

Вот это одно из стихотворений Харазова. Или начало другого:

Легко с подругой учится урок,
Сперва — улыбки за вечерним чаем,
Потом, обнявшись, сядем и читаем,
Скосив глаза лениво между строк.
За поясом (что-то такое) дрожит цветок,
Волненьем искуса обуревая...

И так далее, стихи часто бывали весьма эротические, а иногда с довольно смелой, я бы не сказала, очень остроумной игрой. Например: «К Богу на глазетовом листе». Это запомнилось. Ну, глазет — известно, кареты, на которой везли гроб, но это получилась несколько двусмысленная игра.

Помню и такой случай, как однажды три или два человека пришли к Вячеславу Ивановичу, это была молоденькая и очень талантливая его ученица, впоследствии заведующая кафедрой

истории Греции и Рима, Ксения Михайловна Колобова¹ и еще один студент Штайнпрес². Они пришли вечером к Вячеславу Ивановичу, это был выходной день, а я у него была в гостях, и они прочитали одно большое стихотворение Харазова, полностью противоречащее мировоззрению Вячеслава, что им было известно и было сделано специально для того, чтобы разъярить Вячеслава Ивановича. Они это прочитали и ушли, весьма довольные собой, а он остался в очень большом волнении, я это помню, как он сильно переживал вот это стихотворение своих учеников. Так вот Харазов этот — мировоззрение его я не берусь характеризовать, может быть, это был и сатанизм, а может быть, это был просто полный нигилизм, но во всяком случае это было нечто чуждое и принципиально враждебное Вячеславу Ивановичу. И в то же время это был человек, который оказывал большое влияние на всю нашу группу, и у него были самые разнообразные труды, и вообще это человек, на которого следовало бы обратить внимание и изучать, насколько это возможно. В частности, у него есть цикл стихов — стихи эти хранятся у Моисея Семеновича Альтмана, посвященные греческим философам, характеристике греческих философов: Гераклита и других (элеатов и так далее), в стихах, чрезвычайно интересная, великолепная характеристика. Все, что делал Харазов, было необычайно и талантливо.

Приближался двадцать четвертый год — год, когда отмечался юбилей Пушкина, сто двадцать пять со дня рождения. Вячеслав Иванович получил приглашение от имени Луначарского приехать в Москву для того, чтобы сделать свой доклад на юбилее Пушкина. Вячеслав Иванович, видимо, рассчитывал, а может, списывался, это мне неизвестно, но рассчитывал получить командировку в Италию. Я имею целый ряд данных думать, что он не собирался эмигрировать и там оставаться, но вместе с тем поездка в Италию на много лет в двадцать четвертом году сулила всякое, трудно было быть уверенным, мог он вернуться или нет. В Москву он не взял ни сына, ни дочери, он поехал один, но поехали, присоединились к нему его ученики. То, что происходило в Москве, я не буду рассказывать, потому что об этом написано, это известно или я слышала об этом из уст, во-первых,

¹ Колобова Ксения Михайловна (1905–1978) — ученица Вяч. Иванова по Бакинскому университету, позднее историк античности, профессор Ленинградского университета.

² Штейнпрейс П. П. — по характеристике М. С. Альтмана, «это студент, филолог, главное занятие его — философия. Это красивый, с безукоризненным пробором немец, аккуратный до безумия» (Альтман М. С. Разговоры с Вяч. Ивановым. С. 267).

Моисея Семеновича Альтмана, он был в Москве в это время, затем, значит, Колобова была, и Мануйлов был. Я это просто хочу сказать, потому что в воспоминаниях этих людей, Колобова воспоминаний не оставила, но Моисей Семенович...

Арутчева: Она умерла?

М.: Почему, она жива, но воспоминаний у нее нету, а Мануйлов описывал и Альтман довольно подробно это пребывание. Я только помню в вагонном окне рядом две головы: седую голову Вячеслава Ивановича, значит, длинные волосы, очки, лицо было бритое и, как мне говорили, немножко стилизованное под Моммзена¹, и рядом молоденькое, юное лицо Виктора Мануйлова, одетого в военно-морскую форму. Он преподавал в Военно-морском училище. Обычно он ходил, конечно, не в мундире, но для такого случая, как поездка в Москву, где он опекал Вячеслава Ивановича, которому было трудно самостоятельно передвигаться, он был около него всегда. И вот эти две головы — юное, совсем молоденькое лицо Вити Мануйлова и лицо Вячеслава Ивановича — так вот и запомнились мне навсегда.

После его отъезда и когда, видимо, решена была его командировка в Италию, началась распродажа его библиотеки. Занимался этим в основном Серженька, то есть Сергей Витальевич Троцкий, помогала, должно быть, Лидия. И тут на мне большая вина. Сергей Витальевич подарил мне из этой библиотеки одну книгу греческой лирики, но я ее оставила во время войны в Ленинграде — и она у меня пропала.

Перед отъездом были очень напряженные дни, в Баку (о Москве я не буду говорить, тоже было очень тяжело), но перед отъездом он дарил нам свою фотографию и с надписью, и со стихотворением на обороте. Я должна признаться в своей очень большой вине — опять же вине перед собой прежде всего: я много фотографий оставила в Ленинграде перед эвакуацией. Почему я это сделала? Почему я оставила такие дорогие мне вещи, сейчас абсолютно понять не могу. Очевидно, в том состоянии шока, в котором я находилась в минуты отъезда из Ленинграда в начале войны — только этим можно объяснить. К счастью, я очень отчетливо помню и саму фотографию, и надпись, и стихотворение. Надпись была такая: «Моей филологической сотруднице и сомечтательнице Елене Александровне

¹ Моммзен Теодор (1817–1903) — выдающийся немецкий историк, специалист по истории Древнего Рима и римскому праву, лауреат Нобелевской премии 1902 года за книгу «Римская история». Преподавал в Берлинском университете в годы, когда там учился Вяч. Иванов, любивший рекомендовать себя учеником Моммзена.

Миллиор». Сотруднице и сомечтательнице — в связи с моей дипломной работой, которая была по заданию Вячеслава Ивановича выполнена, но уже защищала я ее, когда Вячеслава Ивановича в Баку не было. Работа эта была на тему: «Культ Эринний». И тогда я пользовалась и Павзанием, и Эсхилом, Еврипидом, причем текст я читала на греческом языке, это было обязательно по нашим требованиям, по уровню. И каждую главу я посылала в дальнейшем Вячеславу Ивановичу на отзыв, не самую главу, а содержание каждой главы. И у меня есть из Италии записочка в письме Лидии Вячеславовны самого Вячеслава Ивановича, в которой он говорит о моей работе и о том, что он собирается показать ее Фаддею Францевичу Зелинскому, если он приедет к нему в Италию¹.

А стихотворение, которое он мне написал, я тоже помню наизусть, и я с большим удовольствием его прочитаю. Оно, так сказать, сохранилось.

Какая светлая стезя
Открыта мысли, сердцу Нелли.
Иди же, Нелли, не скользя
Сквозь горы и льдины и метели
На дионисовы свирели.
Кому они однажды пели,
Тому не идти на зов нельзя.

Это стихотворение для меня очень важно и дорого.

В заключение еще о двух вещах, которые я пропустила, я хотела бы упомянуть.

Д.: Минуточку. Может быть, вы все-таки dokonчите о Москве.

М.: О Москве я очень немного могу сказать, только со слов Виктора Мануйлова, но у него это где-то записано, я знаю. В 1966 году, когда отмечали столетие со дня рождения Вячеслава Ивановича и в Италии была поставлена в Павии, где он преподавал, в колледже Боромео, соответствующая мемориальная доска, что здесь тогда-то и тогда-то вел занятия поэт Вячеслав Иванов, в это время мы собрались в Ленинграде, группа бакинцев, в основном его учеников, делились своими воспоминаниями, стоял магнитофон, выступал с большим таким почти докладом Виктор Мануйлов, и то, что он говорил, записано и сохранено на магнитофонной ленте.

¹ Посвящение Вяч. Иванова воспроизводится в кн.: Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. С. 104, — а также: Вестник Удмуртского университета. 1995. С. 8.

Д.: Так где эта магнитофонная лента, у кого она?

М.: У Виктора Мануйлова. Все это было организовано им, и все это было записано. Выступала я, выступал Моисей Семенович Альтман, Ксения Михайловна Коробова, сам Мануйлов — и все это хранится на магнитофонной ленте, которая находится у Виктора Мануйлова. Присутствовал кто-то из университетских. Это носило характер хотя и не официальный, но и не подпольный. Кто-то из официальных лиц университетских присутствовал, все это было открыто. И длилось это чуть ли не до двух или до трех часов ночи, а потом поехали, и машина, на которой мы ехали, остановилась возле дома с башней. Правда, было так темно, что уже ничего невозможно было разобрать.

Во-первых, Мануйлов присутствовал при встрече Вячеслава и Маяковского. Это записано у Виктора.

Д.: Это совсем другое дело. Расскажите, пожалуйста.

М.: Я не могу подробности рассказывать. Я только могу сказать, что встреча была очень дружественной, что они очень дружественно в течение довольно длительного времени беседовали, с большим уважением со стороны Вячеслава Ивановича и взаимном уважении со стороны Маяковского. Никаких следов антагонизма не было.

Д.: Эта встреча была...

М.: В Москве в 24-м году в каком-то, я не знаю точно, в помещении какого-то института, университета, не знаю где. Там была встреча Маяковского сначала с молодежью, кто-то читал скучные стихи в честь Маяковского, которые ему никакого удовольствия не доставляли, а потом, значит, пришел Вячеслав Иванович, и все, конечно, изменилось, и потом они вместе сидели где-то, пили-ели в буфете, и беседа была самая дружеская и полная взаимного уважения¹. Деталей я не знаю. Тут что-то в деталях разошлись, как это обычно бывает у очевидцев, Моисей Семенович² и Виктор Андроникович — что-то они по-разному толкуют...

И еще одно было. Вячеслав Иванович встретился с Брюсовым. Мне тоже об этом говорить подробно неудобно, потому что все это записано. Знаю только, что Вячеслав Иванович в чем-то корил Брюсова, и Брюсов не защищался. Это было уже неза-

¹ Встреча произошла в июне 1924 года в Москве, вскоре после выступления Вяч. Иванова на Всесоюзном чествовании Пушкина по случаю 125-летия со дня рождения на собрании студенческого общества любителей Российской словесности в МГУ. Подробнее см.: Мануйлов В. А. Записки счастливого человека. С. 149–150.

² Воспоминания Альтмана о встрече Вяч. Иванова и Маяковского неизвестны.

долго до смерти Брюсова. И затем еще одну деталь, которую стоит отметить, что его прощание с учениками (все врозь), и с Алтманом, и с Колобовой, и с Мануйловым было чрезвычайно тяжелое. Вячеслав Иванович плакал, и, видимо, он уже чувствовал, что он не вернется, не увидит никого. Я очень жалею, что меня там не было. Это была последняя встреча, очень глубокая, встреча не студентов и профессора, а людей духовно близких, близких друзей. Очень тяжелое последнее расставание.

А потом продолжалась уже переписка. Она не была интенсивной, но и Мануйлов переписывался с Вячеславом Ивановичем. Я переписывалась в основном с Лидией Вячеславовной, и у меня эти письма целиком сохранились¹. Вот это единственное, за что я себя хвалю. Каким-то образом, я не знаю, сейчас мне это не совсем понятно. Очевидно, я из Баку перевезла в Ленинград, я так думаю. Я этого не помню, но у меня эти письма, полученные на бакинский, потом на ленинградский адрес, довоенные, разумеется, до начала 30-х годов. Так что первое время пребывания Вячеслава Ивановича в Италии у меня документировано письмами Лидии Вячеславовны. И о том, как он нуждался, и о том, как он потом преподавал в колледже в Павии, и там две записки его ко мне лично, помимо ее рассказов о нем. Есть и такое, что он буквально плачет, вспоминая свои книги, в особенности одну, ему особенно нужную (очевидно, Эсхила), где он говорит о том, что взять в библиотеке — это его не устраивает как библиотечная книга, а купить — денег нет. Начинается с того, что только что от него ушла милая девочка, его ученица, которая преподает греческий язык². Ну, конечно, это уже известно теперь, что никогда он не был связан с Ватиканом и так далее...

Д.: Не был связан?

М.: Нет-нет, это же есть у Чарного в его «Встрече с Вячеславом Ивановым», напечатанной в журнале «Вопросы литературы» в 66-м году, у меня имеется этот номер. Он там то же самое об этом говорит, восстанавливая, так сказать, всю истину. Вячеслав Иванович очень нуждался, нуждался и в это время. Они встретились... Чарный напечатал в 66-м году, а встреча произошла в довоенное время, разумеется. Чарный там был в какой-

¹ Опубликовано: Письма Л. В. Ивановой к Н. А. Миллиор // Вестник Удмуртского университета. 1995. С. 38–48.

² Возможно, неточный пересказ письма Вяч. Иванова от 8 марта 1925 года, которое опубликовано в Вестнике Удмуртского университета (1995. С. 28). Вяч. Иванов писал, что умирает без словаря Георгеса (К. Е. Georges «Ausfrihriches lateinisch-deutsches Handwörterbuch», переиздавался неоднократно) и уже упоминавшейся книги Е. Роде (E. Rhode «Phyche. Seelenkultur und Unsterdlichkeit glaubt»).

то командировке, и там все это, в общем, описано, пересказывать статью никакого смысла нету. Только отмечу, что он был хоть и в черном, но весьма потертом костюме, так что Вячеслав Иванович очень нуждался, и позиция его была всегда вполне... (по отношению к России) лояльная. Первое время он получал, значит, командировочные, свое содержание как командированный, кажется, для перевода Данте был... он поехал в Италию, а затем, когда этот срок командировки кончился, а вернуться он не мог... Тут имеются его письма к Маковельскому, где он запрашивал, есть ли возможность, так сказать, получить работу. Но в это время, как я сказала вначале, уже не было факультета и вообще началось гонение на античность. Я была в таком же, соответственно, конечно, в таком же положении: я не могла работать как историк и как античник, это было совершенно закрыто. Вот. И поэтому, значит, он был, по существу, вынужден остаться. Горький за него хлопотал, и он еще некоторое время получал помощь из Литфонда. Это мне рассказывал... дай бог памяти, я забыла его фамилию, может, я потом вспомню, его друг, поэт, который жил в Ленинграде. Мы с ним как-то встретились, и он мне это сказал и я запомнила, о том, что Вячеслав Иванович...

Д.: Не Болотин? Переводчик?

М.: Что?

Д.: Не переводчик Болотин?

М.: Нет, нет. Это один... известный... Но у меня на фамилии сейчас бывает иногда... тем более, редко я вспоминаю, так что вспомнить я сейчас не могу. Может быть, с Мануйловым вместе я бы и могла вспомнить, потому что известно, что они встречались и были друзьями. И вот он мне как-то при встрече рассказал о том, что Горький схлопотал для него, значит, некоторую помощь из Литфонда. Ну, потом это все кончилось, и он уже... Вячеслав Иванович получил работу там, в Павии.

Насколько они нуждались, видно еще из такой детали. У меня есть одно письмо Лидии Вячеславовны. Она училась в это время в консерватории (она композитор и органистка, пианистка), и вопрос шел о стипендии, конкурс на стипендию. И она говорит о том, что стипендию получила не она, а другая, потому что та итальянка, а она, значит, была советская подданная, русская и поэтому она не получила этой стипендии, но она, видимо, очень в этой стипендии нуждалась. Надо сказать еще, что Дима, Димитрий, сын Вячеслава Ивановича, заболел туберкулезом, и в течение некоторого времени он лечился в Швейцарии, конечно, не в Давосе, не в самом роскошном санатории (на это денег не было), но, в общем, он вылечился.

Теперь хотелось бы, прежде чем я остановлюсь окончательно, <закончить> двумя фактами, которые я упустила, из бакинского периода Вячеслава Ивановича. В Баку был издан сборник стихов, который сейчас уже надо считать очень большой редкостью библиографической, мало у кого он сохранился, у меня он имеется, сборник этот называется «Норд»¹. И очень хорошо была сделана виньетка поэтессой, художницей Верой Федоровной Гадзяцкой. Сборник этот начинался и заканчивался стихами Вячеслава Ивановича. Были там стихи и Волошина, затем, были стихи Всеволода Рождественского, Леонида Борисова и затем стихи наших бакинских поэтов: Ксении Михайловны Колобовой стихотворение, затем стихотворение, два стихотворения Виктора Мануйлова, затем Миши Брискмана. Брискман посвятил стихи Ксении Михайловне Колобовой, а Колобова посвятила свое стихотворение Леночке Юкель. О ней рассказывать я не буду, об этом есть в воспоминаниях Мануйлова о Есенине². Это совершенно очаровательное существо, которым восхищались мы все. Она прелестно пела песни на собственный мотив на стихи Есенина и на стихи Мануйлова. Если бы я обладала голосом, я могла бы напеть, потому что я хорошо помню, но искусством пения не обладаю.

Вот этот самый сборник и вышел под редакцией, во всяком случае под покровительством Вячеслава Иванова, почему я об этом и говорю.

Теперь второе, более интересный и важный факт, который я каким-то образом упустила. Вот я упомянула имя художницы Веры Федоровны Гадзяцкой³, мы ее называли Вегой — ВэГэ — так она подписывала свои картины на какой-то выставке. Очень талантливый человек, пожилой уже теперь, сейчас она живет в Сухуми. Она жила со своей матерью и со своим отчимом, профессором не нашего университета, по-моему, политехнического института⁴, я его не помню, не очень далеко от университета. Это был богатый, гостеприимный дом. И вот там собирались мы, то есть Вячеслав Иванович, вероятно, бывал и Серженька,

¹ Историю издания сборника «Норд» (Баку, 1926) см.: Мануйлов В. А. Записки счастливого человека. С. 253–254. Обложка и виньетка сборника «Норд», а также дарственная надпись Е. А. Миллиор воспроизведены на вклейке «Вестника Удмуртского университета» (1995).

² О Елене Юкель (в замужестве Оганян) см. в воспоминаниях Лидии Ивановой (С. 100–101, 352) и в воспоминаниях В. А. Мануйлова (по указателю).

³ Гадзяцкая Вера Федоровна — дочь Р. А. Гадзяцкой от первого брака, художник-график и поэт.

⁴ Отчимом В. Гадзяцкой был профессор П. И. Кузнецов.

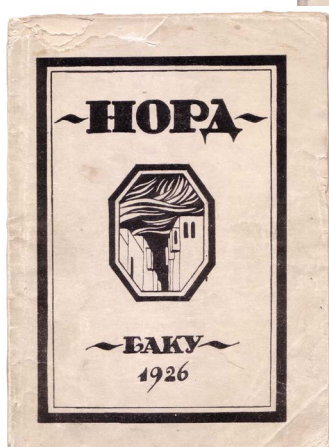
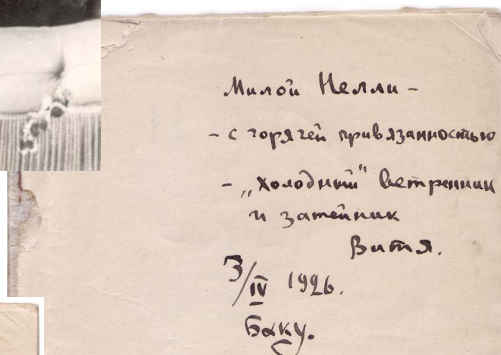
Сергей Витальевич Троцкий
(Баку, нач. 1920-х гг.)

Нелли Миллиор
(нач. 1930-х гг.)

Виктор Мануйлов и Михаил Казмичев
(Ленинград, 1928 г.)

Автограф В. Мануйлова на авантитуле
сборника «Норд»

«Норд» (Стихи. Баку. 1926. 64 с.)
из библиотеки Н. А. Миллиор. Среди
авторов этого сборника — участники
«Чаш»: Виктор Мануйлов, Ксения Колобова,
Михаил Брисман, Вера Гадзяцкая, Михаил
Сироткин, Вячеслав Иванов. Помимо
названных, авторами «Норда» были также
Всеволод Рождественский, Михаил Казмичев,
Леонид Борисов, Максимилиан Волошин,
Николай Тихонов, Владимир Луизов,
Лидия Кошарская, Александр Моргулис,
Константин Муран.

то есть Сергей Витальевич Троцкий, и затем из учеников, я не помню Моисея Семеновича Альтмана, бывал он или нет, кажется, нет. Но точно помню, что был Миша Брискман, Миша Сироткин, был такой, его стихи тоже в «Норде», затем Ксения Колобова — любимая ученица Вячеслава Ивановича, Виктор Мануйлов и Нелли Миллиор. Собирались, и на столе стояла такая символическая чаша, ваза. А чаша заключалась в том, что по кругу каждый должен был читать стихи. Начинал обычно Вячеслав Иванович (свои стихи), а затем читали другие, те, у кого стихи были. Все мы стихи писали. И уж я воспользуюсь таким случаем, удовлетворю свое тщеславие и попрошу разрешение записать стихотворение, которое я тогда написала и которое заслужило одобрение Вячеслава Ивановича. Дело в том, что около Баку было (и сейчас, конечно, существует) полупустынное место на берегу моря, такой мыс под названием Зых, который переименовали на греческий лад — Зыхос. Вячеслав Иванович там тоже одно время летом отдыхал в такой сакле, можно сказать. Все это было в высшей степени не комфортабельно, при этой сакле даже садика настоящего не было, но я очень хорошо помню, как он очень элегантно и галантно обратился к моей маме со словами, кушала ли она когда-нибудь суп из черепашек. Это до такой степени контрастировало со всей обстановкой, что не могло не запомниться.

По древним курганам бродить, беречь умерших сны,
Чарам отдаться твоим, Зыхос священный.
Есть ложе в прибрежной скале. На нем я подолгу лежу,
Смотрю на желтую степь, на синюю даль предо мной.
Вдруг чувствую тихий призыв, шепот нежащих рук,
Ласку невидимых уст. Знаю, священная тень Сафо прошла
 предо мной,
Руки простерла я вниз, молитву подземным прочла.
Средь древних курганов бродить, грезить умерших сны,
Чарам отдаться твоим, Зыхос священный.

Нечего говорить — никаких курганов, ни древних, ни новых, там не было. Это был плод моего воображения. Я думаю, на этом я и закончу свои воспоминания.

Д.: Нет, а вот еще о «Чаше».

М.: Вот я сказала, что на этой чаше мы по очереди читали стихи. Вот это стихотворение читала я, потом садились за стол, был ужин, с вином, с беседой.

Д.: А кто назвал «Чашей» это?

М.: Вот мы и называли это «Чашей», потому что по кругу это все происходило. Очень хорошо помню один вечер, почему-то никто из нас не записывал. Сколько я ни спрашивала, никак не могут восстановить в памяти, сколько вечеров было, и что на них делалось. Никто не помнит! А знаю только, что как-то мы все, всей нашей молодой компанией провожали Вячеслава Ивановича, уже было поздно, ночь, и мы шли, Вера Гадзяцкая была, остальные были, не помню уж кто, но когда он уже вошел <в свой дом>, мы на улице взялись за руки и закружились в танце — настолько мы были возбуждены, что не могли успокоиться, в таком были восторге от всего. Затем мы фотографировались, фотография «Чаши» сохранилась, на ней Вячеслав Иванович, Лидия Вячеславовна, Вера Федоровна и ее мать, Миша Брискман, затем Марья Яковлевна Варшавская¹, тогда Муся Варшавская, Леночка Юкель и еще целый ряд других людей из молодежи, Лидия Вячеславовна, конечно, тоже присутствовала, и я там сфотографирована. Это было примерно в 24-м году, незадолго до отъезда. Мне было, очевидно, 23 года тогда. Вот эта фотография сохранилась².

Это любительский снимок, очень хороший. Я тоже не сохранила, но у меня есть точная копия. У меня лежат два групповых снимка³: снимок чаши, где Вячеслав Иванович, затем круглый столик небольшой кабинетный, на нем ваза, символизирующая чашу, и с другой стороны профессор Зуммер, с ассирийской бородой без усов.

Арутчева: Знаете, как его сторожа звали? «Сакан шайтан» — это значит «бородатый черт».

М.: Да, вот эта черная борода, живое очень лицо... Он тоже посещал чашу. Внизу (как мы смеялись, «у ног учителя»),

¹ Варшавская Мария Яковлевна — ученица Вяч. Иванова по Бакинскому университету, в 1926 году стала женой М. Брискмана и переехала с ним в Ленинград, где занялась живописью и работала в Эрмитаже.

² Фотография опубликована на вклейке «Вестника Удмуртского университета» (1995. Описание лиц на снимке — на с. 47–48).

³ Второй из снимков опуб. в собрании сочинений В. И. Иванова (Брюссель, 1971–1987. Т. 1, после с. 160).

прижавшись коленями к Вячеславу Иванову, молодой Витя Мануйлов, очень славный, хорошенький мальчик, которому тогда был 21 год. Затем по одну сторону Леночка Юкель, в которую он был влюблен и по-моему вполне взаимно, вполне заслуженно, с другой стороны такая Шурочка Вейс¹, с которой он тоже дружил.

Вот эта чаша, вероятно, будет опубликована в собрании сочинений, которое сейчас выходит в Брюсселе, Вячеслава Иванова. Третий том должен был быть как раз посвящен бакинскому периоду жизни Вячеслава Иванова.

Там должно быть опубликовано стихотворение, которое я сейчас вам читала, Вячеслава Ивановича, посвященное мне, стихотворение, посвященное Ксении Михайловне Колобовой (я его наизусть не помню, но копия у меня хранится в Ленинграде), и затем, значит, стихи Мануйлова — Вячеславу, Вячеслава — Мануйлову. У них переписка была такая стихотворная. Все это будет в свое время опубликовано².

Арутючева: Я вам могу сказать четыре строчки Вячеслава Иванова, которые не опубликованы. У нас была такая Лёля Самойлова, она нарисовала его портрет с фотографии и подарила, и он ей подарил свой портрет и написал:

Даровитый милый львенок...

(Она сказала, что она отца зовет львом, а он ее «львенок».)

Даровитый милый львенок,
Выбирайтесь из пеленок.
Как увидите со львом,
Бейте от меня челом.

Это он ей написал. А мы ему подарили тоже большой портрет, когда он уезжал. Это Леля Самойлова нарисовала, а я написала тоже четверостишие.

Ты, льющий слов победных славой,
В нас всколыхнувший дум пожар,
Вплети в венок лавровый славы
И наш любви смиренный дар.

М.: Очень хорошо.

Д.: Елена Александровна, большое вам спасибо, я очень вам благодарен. На этом мы кончаем.

¹ Вейс Александра Васильевна — после окончания Бакинского университета ушла на партийную работу и погибла в период репрессий.

² В 3 и 4 томах брюссельского собрания сочинений Вяч. Иванова указанные материалы опубликованы не были.

В мемуарном очерке «О Вячеславе Иванове» (в книге Лидии Ивановой «Воспоминания. Книга об отце») Виктор Андроникович Мануйлов назвал поименно участников «Чаши», однако не в том порядке, в каком они запечатлены на групповом снимке, сделанном в мае 1924 г. на веранде квартиры Кузнецовых. При встрече с одним из ижевских друзей Елены Александровны Миллиор — Александром Шейниным — В. А. Мануйлов пояснил, кто есть кто, при этом среди устных комментариев были такие, которые в его очерк не вошли. Основываясь на этих двух источниках, а также на материалах домашней библиотеки Е. А. Миллиор, опишем участников «Чаши», представленных на фотографии.

Верхний ряд (слева направо).

Цезарь Самойлович Вольпе, литературовед, изучавший творчество В. А. Жуковского и А. Блока, автор книги «Судьба Блока» (Л., 1930; в соавт. с Немировской); известно, что, будучи редактором журнала «Звезда», он в апреле 1933 г. опу-

бликует, вопреки ограничениям цензуры, полный текст мандельштамовского «Путешествия в Армению», за что будет снят с работы; первый муж Лидии Корнеевны Чуковской; погибнет при эвакуации из Ленинграда в районе Ладожского озера.

Раиса Александровна Гадзяцкая, жена П. И. Кузнецова, хозяйка дома; приятельница В. Г. Черткова, друга Л. Н. Толстого.

Андрей Константинович Давидович, тогда студент, впоследствии агроном, садовод.

Михаил Михайлович Сироткин, филолог и поэт, впоследствии занявшийся вопросами педагогики и психологии.

Мирра (Мариам) Моисеевна Гухман, лингвист, впоследствии доктор филологических наук.

Александр Васильевич Уэльс, англичанин, дальнейшая судьба которого «покрыта тайной».

Михаил Аркадьевич Брискман, литературовед и библиограф. На книге «А. И. Одоевский. Полное собрание сти-

хотворений» (Л., 1958) с предисловием М. Брискмана есть дарственная надпись: «Дорогой Нелли — сей тощий труд многих лет. Миша. 13.VIII.1958».

Сергей Витальевич Троцкий, близкий друг семьи Ивановых; философ-мистик, поэт; «погиб в ссылке за то, что он Троцкий».

Средний ряд (слева направо).

Лидия Вячеславовна Иванова.

Вера Федоровна Гадзяцкая, дочь Р. А. Гадзяцкой от первого брака; художник-график и поэт. Вышла замуж за Европина.

Вячеслав Иванович Иванов. Автографы и книги своего Учителя Е. А. Миллиор считала самыми ценными материалами библиотеки. Среди них — «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923); «По звездам. Статьи и афоризмы» (СПб.: Оры, 1909) — на титуле: Millior. Petropolis. 22.VII.37; «Переписка из двух углов» (с М. Гершензоном. Пб.: Алконост, 1921); «Прометей. Трагедия» (Пб.: Алконост, 1919); «Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же» (Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1914).

Всеволод Михайлович Зуммер, историк искусства, археолог, ориенталист, проф. АЗГУ.

Ксения Михайловна Колобова, историк-античник, автор нескольких книг по Древней Греции; из близких друзей Е. А. Миллиор на протяжении всей жизни.

Нина Александровна Гуляева, дочь проф. АЗГУ А. Д. Гуляева.

Нижний ряд (слева направо).

Мария Яковлевна Варшавская, искусствовед, впоследствии научный сотрудник отдела западноевропейской живописи в Эрмитаже; на книге «Ван Дейк. Картины в Эрмитаже»

(Л., 1963) — автограф: «Милой Нелли — чтобы помнила обо мне. М. В.»; выйдет замуж за М. А. Брискмана, в их семье Е. А. Миллиор «была как в своей», как она сама писала.

Александра Васильевна Вейс. Вскоре уйдет на комсомольскую работу и погибнет в репрессиях 1936–37 гг.

Виктор Андроникович Мануйлов. «Я удостоился чести сесть у ног Учителя и положить ему на колени согнутую в локте правую руку».

Елена Борисовна Юкель, в замужестве Огонян. Приехала из Персии и вернулась в Персию. В воспоминаниях «О Сергее Есенине» В. Мануйлов писал: «Как-то раз вечером Сергей Александрович пришел в нашу студенческую компанию, и на него большое впечатление произвело исполнение персидских песен. Пела студентка университета Лена Юкель, или, как часто ее называли, Лейла <...> В следующие его приезды в Баку Лена не раз пела свои песни на слова его стихотворений из “Персидских мотивов” <...> Не исключено, что встречи Есенина со студенткой Азербайджанского университета Еленой Борисовной Юкель в какой-то мере сказались в создании собирательного образа лирической героини цикла “Персидских мотивов” Шаганинэ» (Звезда. 1972. № 2. С. 182).

Нелли (Елена) Александровна Миллиор.

Бывшие участники «Чаш». Ленинград, нач. 1970-х гг.

ПИСЬМО И ОТКРЫТКА ВЯЧ. ИВАНОВА К Е. А. МИЛЛИОР

Переводы и комментарии С. С. Аверинцева

8 марта 1925

Дорогая умница, Нелли, будьте и впредь умницей! Пишу эти несколько строк, чтобы вы услышали мой голос и выдержали мой испытующий взгляд. Верны ли Вы науке, Элладе, dem großen Ernst des geistigen Strebens?¹ Сентиментальное — не увлажняет ли, не расслабляет ли Вас? Не откажите представить подробнейший отчет о Ваших университетских делах и планах, как и о всей Вашей умственной и — если хотите — духовной работе.

Для моих личных нужд и интересов не откажите также в пространных сообщениях об университетской жизни и, в частности, о словесном отделении, которое, по моему представлению (никто мне ничего не пишет толком, и я принужден довольствоваться гипотезами) принадлежит ныне Вост<очному> факультету.

Мне нужно также иметь, по возможности, перечень моих книг, перешедших в университетскую библиотеку и оставшихся у Сергея Витальевича², которого я просил о том написать. Без некоторых умираю. Ибо их нужно иметь у себя, а не в библиотеке. Мой бедный 2-томный лат<инский> словарь Георгеса!³ A Rhode's «Psyche»!⁴ Лучше и не вспоминать... Денег нет, обзаводиться утраченным нельзя: Neu me miserum!⁵ Только что ушла от меня милая девушка, которую я учу по-гречески, потому что она жаждет научиться... Держите высоко светоч гуманизма. Это нужно веку. Я не гуманист по мирозерцанию, но всегда буду свидетельствовать,

ὅτι καλὸν φίλον ἔστί, τὸ δὲ καλὸν οὐ φίλον ἔστί...⁶

¹ (Нем.) «великой серьезности духовного устремления».

² С. В. Троцкий (примеч. ред.).

³ Georges K. E. Ausfrihriches lateinisch-deutsches Handwörterbuch. Leipzig, 1869 (и др. переиздания).

⁴ Rhode E. Psyche. Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube [Психея. Культ души и вера в бессмертие]. Freiburg in Breisgau ; Leipzig, 1890–1894. Bd. 1–2.

⁵ (Лат.) «Увы мне несчастному!»

⁶ (Греч.) «что прекрасно, то и мило, а что не прекрасно — неило».

Итак, будем стремиться «раждать в красоте»¹, и да здравствует Платон.

Ваш Вяч. Иванов.

Почтовая открытка. На лицевой стороне — фото арки Тито, в левом верхнем углу надпись:

«ROMA — Arco di Tito - Foro Romano».

На штемпеле: 29.XII.1925. Roma

Senatus
Populusque Romanus
Divo Tito Divi Vespasiani filio
Vespasiano Augusto².

Под аркою рельефное изображение из Иерусалим.<ского> храма среди палестинских трофеев, несомых легионерами. За триумфальной аркой виден Палатин. Привет кабинету класс.<ической> филологии, в котором висит то же изображение.

Счастливого нового года, дорогая Νελλίς. Вашего триумфа Вашей выпускной работы желает ревниво относящийся к Вашим научным занятиям

Вяч. Иванов

Этот гекзаметр взят из Феогнида, стих 17; в переводе Адриана Пиотровского:

Зевсовы дщери, Хариты и Музы, что некогда, в терем
Кадмов венчальный войдя, дивную подняли песнь:
«Вечно прекрасное мило, а что не прекрасно, немило» —
Песню такую в ту ночь пели бессмертных уста.

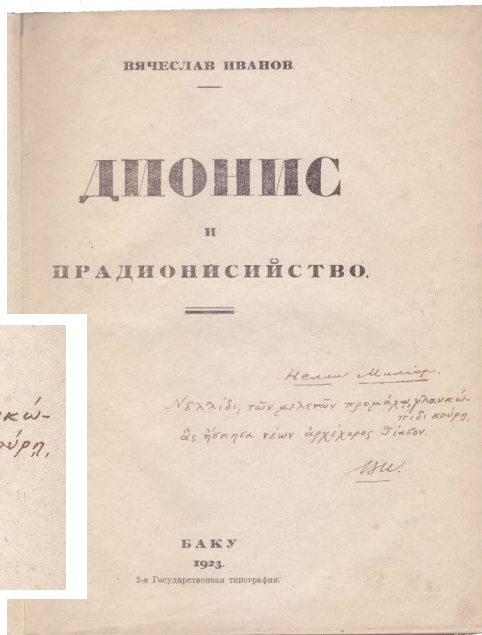
(Зелинский Ф. Ф. Древне-греческая литература эпохи независимости. Ч. 2-я. Образцы. Пг. : Огни, 1920. С. 88.)

¹ Выражение из «Пира» Платона. (У В.И. — явно старомодное «раждать». — *Примеч. ред.*)

² «Римский сенат и народ божественному Титу, сыну божественного Веспасиана, Веспасиану Августу» (надпись на арке Тита, изображенной на открытке).

Какая светлая сфера
 окружающая сердцу Нелли,
 Иди же, Нелли, не скользя
 Словом гор и ледяни и мерзлым
 На Дионисовы свирели.
 Кому они однажды были
 Тому нейти не развлекать.
 Под фотографией:
 «Моей филологической сотрудничкой
 и сооперативницы Елены
 Александровны Миллиор».
 Отпечатки и переписанные Ко
 у Филиппины.

Переписанное рукой
 Лидии Ивановой
 стихотворение Вяч. Иванова,
 посвященное Н. А. Миллиор

Нелли Миллиор.
 Νελλίδι, τῶν μελετῶν προήγουσαν κώ-
 πιδι κοῦρη,
 ὡς ἡγουσα νέων ἀρχέχορος Δίαβον.
ВМ.

Автограф Вяч. Иванова на титуле
 его книги «Дионис и прадиионисийство»

Письмо Вяч. Иванова
к Е. А. Миллиор
от 8.03.1925 г.

[illegible]

Открытка Вяч. Иванова из Рима от 29.12.1925 г.

Senatus
Populussque Romanus
Divo Tito Divi Vespasiani
Vespasiano Augusto.
Под аркою рельефной изобразил
сидящего на троне из Термальной
среди колоннады Траяна,
сидящего на троне. За спи-
ной аркой видны Палаты.
Трапеза, кабинет и класс. Фило-
софия, в котором живут те же
учащиеся.

Скажи моему
дорогому Нелли, Ванне
триумфа Ванне Вонге
который будет ревниво
наблюдать в Ванне из-за
января

Ванне

23-24
29-XI
1924

ПОЧТА
И
ТЕЛЕГРАФЫ
С. ПЕТЕРБУРГ

Елене Александровне
Миллер.

С. Петербургский пер. 5.
Б. Николаевский д.

Абаку, А.С.С.Р.